

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Антиковедение и медиевистика

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Ярославль 2001

ББК ТЗ(0)3+ТЗ(0)4

А72

Антиковедение и медиевистика: Сб. науч. тр. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Дементьева;
Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2001. 84 с.

ISBN 5-8397-0144-0

Сборник содержит статьи по политико-правовым проблемам античности, вопросам идеологии классической Греции и внешней политики эллинистической эпохи, истории христианства и Реформации. В сборнике представлены также публикации по социокультурному облику французского города и археологии средневековья.

Сборник предназначен для специалистов по древней и средневековой истории, студентов-историков и всех интересующихся соответствующими областями исторического знания.

Редакционная коллегия: доц. В.В. Дементьева (отв. ред.),
доц. О.В. Трофимова (отв. секретарь),
доц. И.Л. Станкевич

Рецензенты: кафедра истории и культуры древнего мира и средних веков Владимирского государственного педагогического университета; канд. ист. наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН В.Н. Токмаков

ISBN 5-8397-0144-0

© Ярославский
государственный
университет, 2001

I. Античность

И.В. Меланченко

ОППОЗИЦИЯ «ЭЛЛИНЫ – ВАРВАРЫ» в IV в. до н.э.

Первая половина IV в. до н.э. отмечена резким всплеском враждебности к варварам. Антагонизм между эллинами и варварами приобретает в этот период классическую форму. Неприязненное, высокомерное отношение к варварам находит свое теоретическое обоснование в трудах Аристотеля, Исократы и других греческих мыслителей. Враждебное отношение к Востоку становится ведущей линией греческой идеологии в конце V - середине IV вв. до н.э.¹ Представление о различии эллинов и варваров появляется практически с самого начала существования греческой полисной цивилизации, с VIII в. до н.э. Фиксацией этого различия стало появление в греческом языке слова *οι βαρβαροι*. Как полагают А. Тойнби, М. Финли и некоторые другие исследователи, в тот период это понятие имело исключительно культурно-лингвистическое значение, различие между *Ελληνες* и *βαρβαροι* сводилось к языковым, религиозным, культурным факторам². По единодушному мнению ученых, греко-персидские войны явились рубежным событием в восприятии эллинами варваров. Эти войны еще больше заострили противопоставление греков варварам, углубили понимание разницы между греческим и варварским мирами³. Именно в эпохе греко-персидских войн находят истоки так называемого «греческого шовинизма», достигшего апогея в первой половине IV в. до н.э.⁴ В.И. Исаева отмечала, что дальнейшая разработка оппозиции «эллина – варвары» приводит к тому, что понятие «варвар» в конце V - середине IV в. до н.э. становится вполне абстрактным, образ варвара теперь лишен конкретных этнических черт⁵.

---

¹ *Исаева В.И.* Идеологическая подготовка эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 73. Ср. *Шофман А.С.* Идеологическая подготовка восточных походов в греческой историографии, литературе, публицистике // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1967. С. 124 и сл.

² *Тойнби А.* Some problems of Greek history. Oxford, 1969. P. 50.

³ *Burn A. R.* Persia and the Greeks. L., 1962. P. 14 sq. *Pohlenz M.* Freedom in Greek life and thought. Dordrecht, 1966. P. 15. *Diller H.* Die Hellen-Barbaren-Antitese in Zeitalter der Perserkriger // Grecs et Barbaras Entrentiens sur l' antiquite classique. VIII. Geneve, 1962. S. 45.

⁴ *Никишин В. О.* Эллинский шовинизм в архаическую и классическую эпохи: возникновение и развитие. // Труды кафедры древних языков. Серия 3. Труды исторического факультета МГУ. М.; Спб., 2000. С. 46 и сл.

⁵ *Исаева В. И.* Идеологическая подготовка эллинизма. С. 74.

Таким образом, возросшая в IV в. до н.э. враждебность греков к варварам в исследовательской литературе трактуется как проявление шовинизма, этнического противостояния, основанного на представлении о превосходстве эллинов над варварами⁶. Признавая значение и размах антиварварских настроений в тот период, мы не вполне можем согласиться с такой интерпретацией эллинской ксенофобии IV в. до н.э.

Прежде всего, анализ источников конца V - середины IV в. до н.э. дает возможность ясно увидеть, что образ варвара, активно культивировавшийся в этот период, не был абстрактным, но обладал вполне конкретными этническими признаками: это были персы. Эскалация враждебности к персам – лейтмотив греческой литературы и публицистики конца V - IV в. до н.э. Столь популярная в тот период идея похода на Восток предполагала поход именно против персов как отмщение за старые обиды. Уже Горгий, который считается чуть ли не родоначальником идеи всеэллинского похода, «подстрекал афинян против мидян и персов» (*Philostr. Vit. Soph. I. 9, 5*). Лисий призывал эллинов подражать предкам и бороться с персидским царем (*Olymp. 3, 6*). Все творчество Исократ, этого апостола идеи панэллинского похода на Восток, пронизано ненавистью к персам. У Исократ мы находим ряд ярких подтверждений того, что панэллинский поход должен быть направлен именно против персов, а не против варваров вообще. Так, в речи «Филипп» Исократ ставит македонскому царю в пример сиракузского тирана Дионисия Старшего. По мнению оратора, для Филиппа, собирающегося возглавить панэллинский поход на Восток, должно стать поучительным примером, с какой легкостью Дионисий смог объединить сицилийских греков под своей властью (*Phil. 65*). Любопытно, что из всей деятельности Дионисия Исократ счел необходимым выделить именно это направление. Как мы помним, Дионисий вел борьбу с варварами, с карфагенянами. Но эта борьба не привлекла к себе внимания Исократ, он не счел необходимым поставить ее в пример македонскому царю, очевидно, потому, что направлена она была против карфагенян, а не против персов. Еще одно подтверждение того, что панэллинская идея Исократ связана с враждебностью именно к персам, находим в письмах оратора. Так, в одном из своих писем к Филиппу Исократ призывает его прекратить войну с северными варварами и переключить свою энергию для борьбы с персами (*Epist. II. 11*). Таким образом, панэллинская идея связывается не с походом против варваров вообще, а конкретно – с походом против персов. Имея в виду персов, Исократ пишет, что афиняне легко забывают о враждебных чувствах к другим народам, к жителям же материка не чувствуют благодарности даже тогда, когда получают от них какую-нибудь услугу (*Paneg. 157*). Как видим, даже Исократ, которого в исто-

---

⁶ В зарубежной историографии также довольно популярно мнение, что враждебность эллинов к варварам имеет расовую основу (см., например: *Kagan D. The great dialogue. History of Greek political thought. N. Y., 1955. P. 137*).

риографии считают наиболее последовательным теоретиком шовинизма⁷, не исповедовал принципиальной ненависти ко всем варварам, для оратора адресат этой ненависти был вполне конкретен – это персы. Это была, так сказать, адресная ксенофобия.

Даже в тех случаях, когда греческие авторы, казалось бы, абстрактно рассуждают о рабской природе варваров, их низких моральных качествах, физической невыносимости и т.д., практически всегда угадывается этнический прототип, послуживший основой для таких размышлений. Это – персы. Именно они в построениях греческих теоретиков, являясь воплощением негативных качеств, призваны оттенить достоинства греков (Ср.: *Xen. Hell.* III. 4, 19; *Ages.* IX, 1 sq.; *Isocr. Paneg.* 150; *Phil.* 90, 124).

Можно ли считать, что возросшая враждебность к персам имела под собой этническую основу? Можно ли видеть в этом одно из проявлений расизма или шовинизма? Нам представляется, что едва ли. Если рассматривать враждебность к варварам-персам как обычный, может быть, утрированный некоторыми обстоятельствами компонент этнического сознания, то почему в оппозиции «эллины – варвары», которая так активно муссируется в литературе этого периода, в рамках понятия «варвары» персы практически вытеснили все другие варварские народы? Разве могли греки быть шовинистами по отношению к персам и не являться таковыми по отношению к другим варварским народам? Значит, причину роста антиперсидских настроений в IV в. до н.э. нужно искать в другом.

На наш взгляд, можно выделить две группы факторов, спровоцировавших рост враждебности к персам, условно назовем их объективными и субъективными. Говоря о первых, необходимо отметить, что еще в эпоху греко-персидских войн начинает формироваться отрицательный образ варвара-перса. Посягательство персов на свободу греков, эту базовую для эллинского менталитета ценность⁸, и на эллинские святыни⁹ значительно усугубило негативное восприятие персов. В исторической памяти народа победа в греко-персидских войнах тесно ассоциировалась с представлением о превосходстве греческого образа жизни, греческого духа над варварским. Поэтому все возрастающее с V в. до н.э. участие персов в эллинских делах, вылившееся в фактический диктат персидского царя, крайне болезненно воспринималось национальным сознанием.

Вмешательство царя было значительным и многосторонним. В целом политика персидского царя определялась принципом «разделяй и властвуй», он следил за тем, чтобы сохранялся баланс сил в Элладе, чтобы ни одно государство не усилилось чрезмерно; в таких условиях ему легче было контролировать про-

⁷ *Kagan D.* Op. cit. P. 137.

⁸ *Pohlenz M.* Op. cit. P. 4 sq.; *Haynes D.* Greek art and the idee of Freedom. L., 1984. P. 36.

⁹ О важности этого мотива ср. *Isocr. Paneg.* 156-7; *Plut. Arist.* 10.

исходящие в Греции процессы (*Thuc.* VIII. 57, 2; *Xen. Hell.* I. 5, 9; *Isocr. Paneg.* 134). Царь субсидировал войны между греческими государствами. Так, в последнее десятилетие V в. до н.э. он щедро снабжает спартанцев для борьбы с Афинами (*Xen. Hell.* I. 1, 31; 3, 17; 5, 3-4; II. 1, 11-14). Вследствие чрезмерного усиления Спарты и непомерного роста ее империалистических амбиций царь начинает ссуживать деньги ее политическим противникам: Афинам, Коринфу, Аргосу, Фивам (*Xen. Hell.* III. 5, 1-2; IV. 2, 1). Когда ему было выгодно, он мог выступить как посредник. О том, насколько велика была его роль в деле замирения эллинов, дает представление Ксенофонт при описании подготовки и заключения Анталкидова мира (*Hell.* V. 1, 29 sq.), который не случайно имеет и другое название - «Царский мир». До заключения этого мира греки также неоднократно прибегали к посредничеству персов для урегулирования внутриэллинских дел (ср. *Xen. Hell.* IV. 8, 12-16; *Isocr. De Pace*, 68).

В греческой литературе этого периода рефреном звучит недовольство вмешательством персов во внутренние дела эллинов. Лисий в своей Олимпийской речи сетует, что Эллада находится в позорном положении, поскольку персидский царь властвует над многими греческими территориями (*Olymp.* 3). У Ксенофонта спартанский полководец Калликратид высказывает сожаление по поводу того, что греки вынуждены терпеть произвол персидского царя (*Hell.* I. 6, 7-8). Исократ возмущается тем положением вещей, когда варвары хозяйничают в греческих городах (*Paneg.* 117sq., 122, 136-7). Оратор призывает развеять иллюзии, будто персидский царь заботится об Элладе, проявлением чего считают Анталкидов мир. Исократ полагает, что этот договор позорит эллинов. По мнению оратора, он не является соглашением, основанным на равноправии и равной заинтересованности сторон. Исократ расценивает этот договор как приказ (*πρόσταγμα*) царя, как условия, навязанные эллинам вопреки справедливости (*Paneg.* 175).

Ситуация в Греции способствовала росту подобных настроений. Отсутствие политической стабильности в отношениях между полисами, бесконечные войны – все это создавало благоприятную почву для возрастания враждебности к варварам, вызывало соблазн переключить внутренний конфликт на внешний¹⁰.

Вмешательство персов в эллинские дела – важная, но не единственная и, может быть, не самая главная причина эллинской ксенофобии IV в. до н.э. Как бы то ни было, но греки сами довольно активно просили и использовали помощь персидского царя в своей междоусобной борьбе, практика сепаратных договоров с царем была широко распространена. Как нам представляется, более важной причиной роста антиперсидских настроений в IV в. до н.э. необходимо считать следующую. Глубокий кризис системы межполисных отношений, в который оказалась погружена Эллада с конца V в. до н.э., подтолкнул в первую очередь греческих интеллектуалов (а интуитивно и широкие слои грече-

¹⁰ *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 161.

ского общества) к поиску выходов из кризиса. При этом взоры, естественно, обращались в прошлое. Там, а именно в эпохе греко-персидских войн, был найден идеал, та система отношений греков с греками и греков с варварами, которая в сознании эллинов отождествлялась с наивысшим расцветом Эллады. Стабильность в Элладе эпохи греко-персидских войн обеспечивалась урегулированностью властных отношений: полисы добровольно подчинялись двум гегемонам – Афинам и Спарте, греческий мир был вполне управляем. Стержнем, структурообразующим фактором тех идеальных, с точки зрения позднейших греков, отношений стала вражда к варварам и борьба с ними. Именно она помогла грекам прийти к единомыслию и объединить свои силы, добровольно признать власть двух гегемонов. Моделирование той системы рассматривалось как единственный выход из глубокого кризиса, охватившего греческий мир. Осознание этого положения способствовало активному культивированию враждебности к персам. Не случайно Исократ говорит, что невозможно достичь мира и согласия между эллинами до тех пор, пока греки совместными усилиями не начнут борьбу с персами (Paneg. 173). С этим хорошо согласуется то обстоятельство, что подчас вражда к персам носит немотивированный характер и не вызвана реальной угрозой¹¹.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что рост антиперсидских настроений в первой половине IV в. до н.э. вызван комплексом причин, в числе которых этнические не играли существенной роли. Можно говорить скорее не о шовинизме, а о реваншизме, стремлении напомнить о былых победах и самим себе, и врагам, которые в новых условиях диктуют свою волю победителям. Кроме того, враждебность к персам значительно усиливалась субъективным фактором – попыткой вернуться к той системе отношений, при которой, по мнению греков, Эллада переживала апогей своей славы. Подобное понимание оппозиции «эллины – варвары» объясняет тот дуализм в отношении к варварам, который давно отмечают исследователи: с одной стороны, непримиримая враждебность к одним народам, с другой – уважительное, даже с тенденцией к идеализации восприятие других¹². В отношении греков к варварам расовые, вообще этнические мотивы не играли определяющей роли. Напомним хотя бы слова «главного шовиниста» IV в. до н.э. афинского оратора Исократа, который писал, что варварами являются те, кто получил образование и воспитание, отличные от эллинских, а не люди иного происхождения (Paneg. 50).

¹¹ *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. С. 161.

¹² См., например: *Исаева В.И.* Идеологическая подготовка эллинизма. С. 74.

ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АНТИГОНИДОВ В ГРЕЦИИ (70 - 20-е гг. III в. до н.э.)

Период 70 - 20-х гг. III в. до н.э. в истории Македонского царства исследователи рассматривают обычно фрагментарно, не стремясь создать масштабную и целостную картину событий¹. Однако внешнеполитическая деятельность Македонии этого времени, на которое пришелся важный этап ее истории, безусловно, заслуживает пристального внимания. Отношение македонских царей к балканской периферии мы уже рассматривали в специальной статье². Целью же данной работы является попытка изложить основные принципы внешней политики Антигонидов в Греции.

Одним из важнейших инструментов македонского контроля над *Грецией* являлось сочетание двух принципов: 1) поддержка тяготеющих к Македонии тиранических режимов; 2) непосредственное военное присутствие в наиболее важных стратегических пунктах.

Основную ставку на *тиранов* Антигон Гонат сделал в Пелопоннесе - в качестве противовеса начавшей набирать силу Спарте, а также другому противнику македонской гегемонии – возродившемуся Ахейскому союзу. Особенно активно тиранические режимы насаждались в 60 - 50-е гг. Наиболее сильными союзными Антигону Гонату государствами такого рода были Аргос (*Plut. Pyrrh.* 30, 1) и Мегалополь (*Plut. Agis.* 3, 7; *Paus.* VIII. 27, 11; 30, 7). Помимо того, промакедонские тирании существовали в Орхомене, Тегее, Мантинее, Трезене и других полисах. Случалось, что некоторые из них периодически уклонялись от сношений с Македонией, однако обычно при ак-

---

¹ К числу работ, в которых относительно подробно рассматриваются вопросы внешней политики Македонии в данный период, можно отнести: *Cabanès P. Histoire comparée de la Macedoine, de l'Épire et de l'Illyrie Meridionale (IV-III s. a.c.)* // *Anc. Mac.* 1993. P. 293-311; *Errington R.M. A history of Macedonia.* Los Angeles, 1990; *Hammond N.G.L. The Macedonian State. The origins, institutions and history.* Oxford, 1989; *Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr.* Wiesbaden, 1972; *A History of Macedonia. V. 3. (336-167 B. C.)* by N.G.L. Hammond and F. Walbank. Oxford, 1988; *Holleaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques au III siècle av. J. C. (273-205).* Paris, 1921; *Will E. Histoire politique du monde Hellenistique (323-30 av. J. C.). V. I.* Nancy, 1966; *Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280 - 220 гг. до н.э.*: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988.

² *Буров А.С. Политика Македонии на балканской периферии в 70 - 20-е гг. III в. до н.э.* // *Антиковедение и медиэвистика.* Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 9-13.

тивной поддержке Антигона вскоре вновь возвращались в прежнее русло³. Политику своего отца по отношению к тиранам пытался проводить и Деметрий II (*Polyb.* II. 41, 10; 44, 3; IX. 29, 6), но разразившийся в ходе Деметриевой войны⁴ кризис показал, что в долговременной перспективе она оказалась ошибочной⁵: во второй половине 30-х гг., добровольно сложив с себя власть, к Ахейскому союзу присоединились тираны Мегалополя и Аргоса, затем последовало отпадение Орхомена, Тегеи, Мантиней и т.д.⁶

Не вполне оправдала себя и *система гарнизонов*. Ее основу заложил еще в 90-е гг. III в. до н.э. Деметрий Полиоркет⁷, закрепившийся в Деметриаде, Халкиде и Коринфе – «оковах Эллады», что позволяло ему надежно контролировать Центральную Грецию и Истмийский перешеек. Обладание этими тремя важнейшими стратегическими пунктами стало символом присутствия Антигонидов в Элладе⁸. В конце 70 – начале 60-х гг. македонские гарнизоны находились также в Пирее и нескольких менее важных местах на Пелопоннесе. После Хремонидовой войны Антигону пришлось прибегнуть к более строгому контролю, чем прежде: помимо побежденных Афин, македонские гарнизоны появились, по крайней мере, в Мегарах, Трезене, Эпидавре и Мантинее⁹. Уже в последние годы правления Антигона Гоната эта система стала давать сбои: дважды был потерян важный стратегический пункт Коринф – в ходе восстания Александра, сына Кратера¹⁰, и в результате захвата ахейцами в 243 г. Затяжная Деметриева война привела практически к полному вытеснению македонских гарнизонов из Южной Греции. Кроме того, был окончательно потерян крайне важный укрепленный район в Аттике (*Plut. Arat.* 34, 5-6; *Paus.* II. 8, 6; *Syll.* 3. 497).

³ О насаждении Антигоном Гонатом тиранических режимов в Греции см. подробнее: *Fellman W.* Antigonos Gonatos. König der Makedonen und die griechischen Staaten. Würzburg, 1930.

⁴ Реконструкцию хода военных действий, вопросы хронологии Хремонидовой, Деметриевой и Клеоменовой войн, а также исследовательскую литературу по данным вопросам см.: *Буров А.С.* Вооруженные силы и военная политика Македонии (70 - 20 гг. III века до н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 114-123.

⁵ САН. VII. Р. 220; *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982; *Сизов С.К.* Ахейский союз. М., 1989. С. 18.

⁶ *Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. 3. Ростов н/Д, 1995. С. 332.

⁷ В принципе, он продолжил дело, начатое Филиппом II и Кассандром.

⁸ *Errington R.M.* A history... Р. 162.

⁹ *Дройзен И. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 171.

¹⁰ О ходе войны с Александром и ее датировке см.: *De Sanctis G.* La rebellione d'Alessandro figlio di Cratero // *Klio.* 1909. Р. 1-26; *Orsi D.P.* La rivolta di Alessandro, governatore di Corintho // *Sileno.* 1987. Р. 103-122; *Tarn W.* Antigonos... Р. 335; *Will E.* Op. cit. Р. 285-287.

В 281/0 г. в результате развязанной спартанским царем Ареем «священной войны» (αμφικτυονικα εϋκληματα), направленной на подрыв македонского влияния в Пелопоннесе, несколько ахейских полисов реанимировали древний *Ахейский союз* (*Polyb.* II. 40, 5), придерживавшийся антимакедонской ориентации. Первое время Ахейский союз, состоявший из небольших полисов и занимавший незначительную территорию, не играл заметной роли на Пелопоннесе и не вел активной внешней политики¹¹. В 50-х гг. произошла реорганизация союза, в результате которой он выдвинулся на одно из ведущих мест в Греции - во многом благодаря деятельности Арата, под руководством которого восторжествовала агрессивная, наступательная политика. Уже в 245 г. ахейцы оказались в состоянии войны с этолийцами (в то время – союзниками Македонии) (*Polyb.* XX. 4, 4; *Plut. Arat.* 16, 1; *Paus.* II. 8, 4). Свой авторитет Арат укрепил в следующую стратегию (243/2 г.), хитростью овладев Коринфом (*Plut. Arat.* 18-24). Эта смелая акция предоставила ахейцам контроль над Истмийским перешейком, привела к отпадению от Македонии целого ряда городов: Мегар, Трезены, Эпидавра (*Polyb.* II. 43, 5; *Plut. Arat.* 24, 3; *Trog. Prol.* 26; *Strabo.* VIII. 385; *Paus.* II. 8, 5; *Syll.* 3. 469), которые немедленно стали членами Ахейской федерации.

Быстрый рост влияния Ахейского союза обострил противоречия с его основными противниками – Этолийским союзом и Македонией¹², которые заключили договор о разделе между собой ахейских территорий (*Polyb.* II. 43, 10; 45, 1; IX. 34, 5; 38, 9). Со своей стороны, Ахейский союз создал другой блок, вступив в соглашение с Египтом (*Plut. Arat.* 24, 4) и в союз (τους συμμαχοις – *Plut. Agis.* 13, 6) со Спартой. Трения переросли в войну, о ходе которой сохранилось мало сведений. Со смертью македонского царя боевые действия прекратились, и в следующую стратегию Арата (239/8 г.) между двумя крупнейшими федерациями греческого мира – Ахейской и Этолийской – был заключен союзный договор (*Polyb.* II. 44, 1; *Plut. Arat.* 33,1). Обе они единым фронтом выступили против Македонии в Деметриевой войне, закончившейся для ахейцев вполне успешно: по ее окончании Ахейский союз достиг пика своего могущества. Затем его экспансия стараниями Аристомеха и Лидиада¹³, бывших тиранов Аргоса и Мегалополя, была обращена против Спарты. Однако Клеомен III оказался достойным противником: ему удалось нанести ахейцам ряд серьезных поражений, и к сере-

¹¹ Хотя ахейцы и были привлечены Спартой к антимакедонскому блоку перед Хремонидовой войной (*Syll.* 3. 434/5), однако никаких свидетельств о ведении ими активных действий не сохранилось. Они тем более маловероятны после гибели Арея в 265 г. и развала Пелопоннесского союза.

¹² *Сизов С.К.* Ахейский союз... С. 35.

¹³ *Gruen E.S.* Aratus and Achaean alliance with Macedonia // *Historia.* 1972. P. 614-615.

дине 20-х гг. федерация оказалась в чрезвычайно затруднительном положении¹⁴. Военные неудачи вызвали жесточайший экономический кризис: чеканка монеты была прекращена, не было даже средств расплатиться с наемниками (*Polyb.* IV. 60, 2).

Трудности, испытываемые Ахейским союзом, позволили Македонии восстановить и даже упрочить свои позиции в Греции. В результате вмешательства Антигона Досона (по приглашению Арата) Спарта была побеждена, однако Ахейскому союзу это стоило потери подлинной независимости. Он вошел в состав созданной Антигоном *συνμαχία*, получившей в исследовательской литературе название *Эллинской Лиги*, подчиняясь македонскому царю как ее гегемону. Изменилась даже официальная идеология союза: на смену лозунгу «общей свободы» (*περί της αὐτῶν ἐλευθερίας* – *Polyb.* II. 69, 1) пришло почитание и прославление царя Македонии (*Polyb.* II. 70, 5; XXVIII. 19, 3; XXX. 29, 3; *Plut.* Cleom. 16, 7); Антигон вмешивался во внутренние дела ахейских городов и даже назначил одного из приближенных, Тавриона, своего рода протектором Пелопоннеса (*ὄ ἐπι τῶν κατὰ Πελοποννήσου* – *Polyb.* IV. 6, 4). Со своей стороны, ахейцы дали обязательство не иметь никаких сношений с другими царями без ведома Антигона (*Plut.* Arat. 45, 2). Ежегодно давались клятвы верности македонскому монарху (*Liv.* XXXII. 5, 4). Можно вполне согласиться с мнением С. К. Сизова, что ахейцам была оставлена возможность вести независимую внешнюю политику ровно настолько, насколько это не угрожало интересам Македонии¹⁵.

Этолийский союз (*το κοινον των Αιτωλων*), традиционно занимавший антимакедонскую позицию¹⁶ со времен Ламийской войны, в которой ему удалось отстоять свою независимость, смог к рассматриваемому времени значительно расширить свою территорию: он контролировал значительную часть Фокиды с Дельфами, присоединил Гераклею Трахинию (*Paus.* X. 20,9), расположенную неподалеку от Фермопил, вплотную приблизившись к рубежам Средней Греции. Активное участие Этолийского союза в отражении кельтского вторжения (особенно их удачные действия по спасению Дельф от полчищ Бренна) подняло престиж федерации в глазах всего греческого мира (*Syll.* 3. 408; 402), а уже в 277 г. представители этолийцев были введены в состав *дельфийской амфиктионии* (*Syll.* 3. 399)¹⁷.

¹⁴ Gruen E.S. Op. cit. P. 609; Жигунин В.Д. Международная политика... С. 81.

¹⁵ Сизов С. К. Ахейский союз... С. 122.

¹⁶ Македония контролировала Фессалию и, таким образом, представляла потенциальную угрозу для Этолийской федерации и являлась главным противником на пути этолийской экспансии в западном (Акарнания) и восточном (Фокида) направлениях.

¹⁷ Этолийцам удавалось контролировать Дельфы в течение целого столетия (290 - 189 гг.), хотя официально этот религиозный центр никогда не входил в состав союза.

В первой половине 70-х гг. III в. до н.э. интересы Македонии и Этолии пересеклись по вопросу контроля над Фессалией. Результатом этого явилось, судя по всему, заключение соглашения о разделе сфер влияния: Македония начиная с 276 г. получила безраздельное господство над Фессалией, а этолийцы стали беспрепятственно расширять союз за счет территорий в Средней Греции. В качестве верного союзника Антигона Гоната этолийцы продолжали выступать до рубежа 40 - 30-х гг. В 40-е гг. отчетливо проявилось стремление этолийцев распространить союз на территорию Пелопоннеса: около 245 г. был заключен договор *исополитии* с городами Мессеной и Фигалеей (*Polyb.* IV. 6, 11); примерно в 241/0 г. этолийское ополчение вторглось в Лаконику (*Polyb.* IV. 34, 9; *Plut.* Cleom. 18, 3). Наконец, около 240 г. Македония и Этолийская федерация пришли к соглашению о разделе (*συνθήκαι*) территории Ахейского союза (*Polyb.* II. 43, 10; 45, 1; IX. 34, 3; 38, 9).

30-е гг. ознаменовались переходом этолийцев в лагерь противников Македонии. В союзе с ахейцами они начали Деметриеву войну. К моменту ее окончания территория, занимаемая Этолийским союзом в Средней и Северной Греции, была очень значительной; кроме того, в Пелопоннесе этолийцы контролировали зависимые от них государства: Элиду, Мессению и Фигалею¹⁸. Когда в Фессалии в 229/8 г. вспыхнуло антимакедонское восстание (возможно, инспирированное этолийцами¹⁹), они присоединили ее к союзу, однако вскоре были вытеснены Антигоном Досоном (*Front.* II. 6, 5), хотя, вероятно, удержали за собой часть фессалийской территории, что позволило им увеличить количество голосов «своих» гиеромнемонов в дельфийской амфикистии с 9 до 11 (SIG. 499). В период Клеоменовой войны Этолийский союз сохранял нейтралитет²⁰ и в целом удачно удерживал свои приобретения в Греции²¹. Добавим, что во второй половине III века до н.э., когда Македония утратила способность эффективно контролировать воды Эгейского моря, этолийские суда или даже небольшие флотилии (*Polyaen.* V. 25)

¹⁸ Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990. С. 39.

¹⁹ Will E. Op cit. V. I. P. 328; Fine J. The problem of Macedonian holdings in Epirus and Thessaly in 221 B. C. // TAPhA. 1952. P. 133 ff.

²⁰ Указания Полибия (II. 45, 2-3; 47, 7; 49, 1-2) о союзе этолийцев со Спартой не соответствуют истине. См.: Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1890. С. 129; Жигунин В.Д. Международные отношения... С. 148; Сизов С.К. Ахейский союз... С. 94-96; Власюков С.Ю. Этолийский союз в современной буржуазной историографии (70 - 80-е гг.) // ВДИ. 1992. № 3. С. 220.

²¹ САН. VII. P. 759; Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1951. С. 250.

совершали нападения на побережье Греции и острова (Syll. 3. 520; IG. II. 2. 844). Однако эти экспедиции по большей части не были санкционированы государством, а предпринимались отдельными племенами или группами на свой страх и риск.

Спарта в рассматриваемый период продолжала придерживаться традиционной антимакедонской ориентации. Долгое правление деятельного и воинственного царя Аррея (309/8-265 гг. до н.э.) представляло собой череду попыток присоединения к Спарте других областей Пелопоннеса и выведения этого государства на передовые рубежи греческой политики. Он восстановил древний Пелопоннесский союз, в который, кроме собственно Спарты, вошли Элида и некоторые полисы Аркадии и Арголиды²². В 272 г. ему удалось отбить нападение Пирра; в том же году он помог жителям Аргоса отразить нашествие эпиротов - это был единственный случай, когда войска спартанцев и македонского царя, никогда не являвшихся союзниками, действовали совместно ради единой цели, состоявшей в изгнании Пирра из Южной Греции. Несколькими годами позднее Аррей присоединился сам и привлек критян к союзу Птолемея II и афинян против Антигона Гоната (Syll. 3. 434/5). Однако гибель талантливых военачальников - Аррея в ходе Хремонидовой войны, а также его сына Акротата в 255 г. - и, кроме того, тяжелое социально-экономическое положение вынудило Спарту заняться решением локальных задач в Пелопоннесе и на некоторое время она сделалась неопасной для Македонии²³, вплоть до правления Агиса IV и особенно Клеомена III.

Таким образом, рассмотренный отрезок времени был периодом восстановления сил государства после губительных для него войн диадохов, вторжения кельтов и анархии. Именно тогда был накоплен потенциал и сложились предпосылки для создания Эллинской Лиги и установления гегемонии Антигонидов в регионе.

---

²² САН. VII. P. 99.

²³ Errington R.M. A History... P. 288.

ХАРАКТЕР ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РИМЕ VIII - VI вв. до н.э.

Трактовка характера царской власти архаического Рима чрезвычайно разнообразна в историографии XIX - XX вв. и колеблется от признания царской власти абсолютной и ничем не ограниченной¹ до понимания царя как вождя племенного союза, избираемого и контролируемого сенатом и народом². Как это ни удивительно, оба мнения, за исключением их наиболее крайних выражений, имеют достаточно серьезную аргументацию, основанную на материале источников. Для данной работы интерес представляют те аспекты царской власти, которые касаются законодательной и судебной функций царя, однако не менее важен вопрос о том, являлось ли законотворчество царей самостоятельным или оно было обусловлено участием в процессе создания законов жречества, сената и народа. Следовательно, необходимо иметь и общее представление о царской власти в части ее взаимодействия и зависимости от других социально-политических структур древнейшего Рима.

Особенностью древнейшего периода развития римского государства была пронизанность всей социальной жизни, всех политических институтов сакральными чертами: религиозными ритуалами, церемониями и внешней атрибутикой³. Черта эта ярко проявляется и в атрибутике римских рексов, титул которых не вполне адекватно переводят на русский язык словом «царь». Согласно Дионисию Галикарнасскому (II. 14. 1), этот институт власти сочетал в себе три взаимопроникающие функции: верховного военачальника, верховного судьи и верховного жреца.

Уже рассмотрение внешних атрибутов царской власти позволяет сделать некоторые выводы о ее характере⁴. Во-первых, как военные, так и судебные атрибуты власти царей выражались через призму примитивных

---

¹ *Азаревич Д.* Патриции и плебеи в Риме. Т. 2. СПб., 1875. С. 150-156; *Coli U. Regnum // SDHI.* 1951. P. 121 ss.

² *Кагаров Е.О.* О царской власти в древнем Риме // *Филол. зап.* 1910. Кн. 1. С. 1-55; *Tondo S. Profilo di storia costituzionale romana.* I. Milano, 1981. P. 103-130; *Fascione L.* Il mondo nuovo: la costituzione romana nella "Storia di Roma arcaica" di Dionigi d'Alicarnasso. Vol 1. Napoli, 1988. P. 188 ss.

³ Подробнее см. об этом: *Кофанов Л. Л.* Роль жреческих коллегий в архаическом Риме и развитие жреческого права // *Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Под ред. Л.Л. Кофанова.* М., 2001. С. 7-61.

⁴ О царских инсигниях подробнее см.: *Кофанов Л. Л.* Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // *Древнее право. IVS ANTIQVVM.* 1998. № 3. С. 36-42.

религиозных представлений римлян, и эти аспекты царской власти воспринимались древними как элементы определенных сакральных ритуалов царя-жреца. Во-вторых, далеко не все атрибуты властных полномочий царя были лишь его атрибутами. Так, царская колесница, курульное кресло, тога-претекста, обувь, загнутый жезл и даже ликторы были в распоряжении и некоторых жреческих коллегий, а первые четыре инсигнии принадлежали вообще древнейшим сенаторам. Следовательно, и сами функции, связанные с этими инсигниями, не были исключительной прерогативой царей. Наконец, представление римлян о царской золотой короне как атрибуте скорее бога Юпитера, чем смертного человека, несущей последнему рабство, свидетельствует, с одной стороны, об обычае обожествления царей после смерти, с другой стороны, о появившемся после изгнания царей в 509 г. до н.э. негативном отношении к институту царской власти.

Теперь попытаемся рассмотреть характер царской власти и ее взаимоотношения с другими политическими институтами. Несомненно, на сильный характер этого института мог бы указывать его наследственный статус. Здесь мы сталкиваемся с кажущимся противоречием данных традиций. Итальянский ученый С. Тондо обратил внимание на то, что хотя римляне и унаследовали институт царской власти от древних латинов, однако у римлян в отличие от альбанских царей он так и не стал наследственным⁵. Действительно, Ливий и Дионисий⁶, говоря о династии латинских царей Альбы Лонги, все время упоминают о передаче власти от отца к сыну. Что же касается римлян, то у них не было ни одного случая передачи власти по наследству от отца к сыну. Более того, римские цари избирались **«по приказу народа и по распоряжению сената»**⁷. Постепенно был выработан целый механизм принятия царем власти, ведь уже первый римский царь Ромул получил власть по решению народного собрания⁸. Любопытно, что после его смерти в течение целого года Римом управляли сенаторы посредством института междуцарст-

---

⁵ Tondo S. Profilo di storia costituzionale... P. 104.

⁶ Liv. I. 3. 1-11; Dionys. I. 70-71.

⁷ Liv. I. 49. 3: ...populi iussu, auctoribus patribus...

⁸ Dionys. II. 6. 1: «И вот тогда Ромул, когда принял надежные (знамения) от божества, созвав народ на народное собрание и объявив о пророчестве, назначается ими царем; и он устанавливает для всех обычаев не принимать ни царской, ни другого вида власти, если божество не изречет им пророчество». Dionys. II. 7. 1: «Ромул, назначенный царем, таким образом, людьми и богами, обещает быть сильным и не боящимся опасностей в военных делах и разумно и наилучшим образом управлять государством».

вия⁹. Институт этот достаточно подробно описывает Дионисий¹⁰, не менее детально изучен он и в современной историографии¹¹. Лишь под давлением народа «отцы» города склонились к избранию царем иностранца Нумы Помпилия¹². Этот царь также был избран по воле сената и путем избрания в народном собрании. Тот же способ избрания мы находим в отношении третьего царя – Тулла Гостилия¹³. При избрании следующим царем Анка Марция ин-

⁹ *Dionys. I. 75. 1: «А после смерти Ромула полис был без царя в течение одного года».*

¹⁰ *Dionys. II. 57. 1: «...А на следующий год никакой римский царь не был назначен, но некая власть, которую называют междуцарствием, назначенная каким-то образом, стала заботиться об общих (делах). Записанные в сенат Ромулом из патрициев, числом 200, как я сказал, были распределены по декуриям. Затем, бросив жребий, они отдали первым десяти получившим по жребию управление полисом, высшую власть. 2. Но они царствовали не все вместе, но каждый на основе деления по пять дней, в течение которых он имел фасции и остальные символы царского достоинства. И после того, как правил первый, он передавал гегемонию второму, а он - третьему, и это происходило вплоть до последнего. По истечении же пятидесятидневного срока первыми десятью правившими другие 10 принимали власть, и от них - опять-таки другие».*

¹¹ Подробный обзор историографии по институту *interregnum* см.: Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 20-25.

¹² *Dionys. II. 57. 3: «Когда же народу, рассерженному переменами положения, показалось (нужным) прекратить власть десяти правителей из-за того, что он не имеет никакого подобного (им) предпочтения, ни (данных) от природы, тогда уже сенаторы, созвав массу людей на народное собрание по трибам и куриям, дали ему (т.е. народу) рассмотреть (вопрос) об упорядочении управления, хочет он поручить общее дело царю или годичным правителям. 4. Но народ не принял выбора на себя, а передал решение (дела) сенаторам, чтобы признать, какое бы они ни постановили, правление». (Ср. Liv. I. 17. 7-11). *Dionys. II. 60. 3: «А когда после этого состоялось народное собрание, на котором трибы голосовали за него по куриям, и когда патриции одобрили решение для народной массы, и, наконец, еще авгуры обнаружили благоприятные знамения, поданные божеством, Нума принял власть».**

¹³ *Dionys. III. 1. 1: «А после того, как умер Помпилий, сенат, вновь получив власть в общине, решил остаться при той же форме правления и, поскольку и демос не пришел к иному решению, назначает из числа старейшин тех, кто будет править междуцарственной властью некое определенное количество дней, и они объявляют царем того, кого пожелал демос, Тулла Гостилия, такого вот происхождения. 3. Тулл Гостилий, ...был объявлен царем, и по голосованию граждан, проведенному о нем согласно закону, и потому что божество благоприятными знамениями подтвердило то, что было решено народом». Ср. Liv. I. 22.1: «Народ избрал царем Тулла Гостилия... Отцы утвердили это решение».*

ститут выборов рассматривается традицией уже как устоявшийся обычай¹⁴. Тенденция к наследованию царской власти от отца к сыну первый раз проявилась лишь при избрании Тарквиния Древнего, однако попытки сыновей Анка Марция получить отцовский престол окончились неудачей. Более того, Тарквиний, по рассказу Ливия, впервые прибег к предвыборной агитации в народе за свою кандидатуру на должность царя¹⁵. Здесь также речь идет об использовании отеческих обычаев и даже закона об избрании царя. Дальнейшие изменения происходят при передаче царской власти от Тарквиния к Сервию Туллию. Приближенный к царскому престолу, Сервий первое время после смерти царя правил лишь с согласия сената¹⁶ и, только упрочив свою власть, решился обратиться к народу за подтверждением своих полномочий¹⁷. Однако и здесь он нарушил отеческие обычаи и законы об избрании царя, миновав институт междуцарей и утверждение своей кандидатуры сенатом¹⁸. Тем не менее полномочия Сервия Туллия были более или менее законными, а благодаря проведенным реформам и умеренности правления римляне рассматривали его власть как **«законную и справедливую»** (Liv. I. 48. 8). И лишь правление последнего царя Тарквиния Гордого традиция в один голос назы-

---

¹⁴ Dionys. III. 36. 1: «После смерти Тулла Гостилия междуцари, назначенные сенатом в соответствии с отеческими обычаями, избрали царем государства Марция, прозванного Анком. И когда народ подтвердил решение сената и знаменья, идущие от бога, оказались благоприятными, Марций, проделав все необходимое по закону, вступил во власть...» Ср. Liv. I. 32. 1: «По смерти Тулла вновь, как установилось искони, вся власть перешла к отцам, и они назначили интеррекса. На созванном ими сходе народ избрал царем Анка Марция, отцы утвердили этот выбор». Cic. De rep. II. 31.

¹⁵ Dionys. III. 46. 1: «После смерти Анка Марция сенат, уполномоченный народом установить ту форму правления, которую он считал необходимой, снова решил воспользоваться той же формой и назначил междуцарей. Те же, собрав народ на выборы, избрали царем Луция Тарквиния, и знаменья божества подтвердили решение народа...». Ср. Liv. I. 35: «1. Тарквиний настаивал, чтобы как можно скорее состоялось собрание, которое избрало бы царя... 2. Он, как передают, был первым, кто искательством домогался царства и выступил с речью, составленной для привлечения сердец простого народа».

¹⁶ Liv. I. 41. 6: «Сервий, окруживший себя стражей, первый стал править лишь с соизволения отцов, без народного избрания».

¹⁷ Liv. I. 46. 1: «Сервий... решился запросить народ, желают ли, повелевают ли они, чтобы он над ними царствовал. Сервий был провозглашен царем столь единодушно, как, пожалуй, никто до него».

¹⁸ Dionys. IV. 40. 2: «Раньше после смерти царя был обычай, чтобы народ предоставлял сенату право установить ту форму правления, которую он считал необходимой, и сенат избирал междуцарей, которые и назначали наилучшего царя... 3. Туллий, наоборот, впервые... был назначен одним народом».

вает узурпацией власти и тиранической формой правления¹⁹. Тирания эта выразилась именно в том, что власть Тарквиния Гордого не была утверждена ни сенатом, ни народом. Да и в период своего правления он свел на нет власть сената и народных собраний. Это, согласно традиции, и послужило одним из оснований для изгнания Тарквиниев.

Таким образом, должность рекса в Риме имела выборный и ненаследственный характер²⁰. Как же тогда объяснить нестыковку с системой наследования альбанских царей? Во-первых, необходимо учитывать, что источники отнюдь не отрицают тот факт, что и латинские цари, принимая власть от отца, утверждались сенатом и народом. Здесь, возможно, имело место сочетание устойчивых родовых традиций наследственной и одновременно выборной власти вождя. Рим же был развивающимся, а следовательно, неустойчивым обществом, в которое постоянно вливались все новые племена, и в таких условиях традиция наследования власти не могла реализоваться, так как правитель должен был устраивать все этнические части римской общины, как это было в случае с избранием Нумы Помпилия. Кроме того, как отмечает С. Тондо, латинские города отнюдь не всегда и не везде имели наследственную царскую власть²¹. Так, альбанский царь Клуилий, называемый также претором и стратегом²², был смещен на своем посту Мецием Фуфецием, который был лишь годичным диктатором²³.

¹⁹ *Dionys. IV. 80*: «Другие цари получали власть согласно отеческим обычаям и законам от вас, во-первых, по постановлению сената..., затем, посредством назначения междуцарей..., после этого посредством голосования народа в народном собрании, наконец, посредством подтверждения авгурий, жертвоприношений и других знамений... Какими же из этих способов добился власти Тарквиний?... Он получил ее оружием, насилем и заговором злодеев в соответствии с обычаем тиранов...». Ср. *Liv. I. 49. 3*: «И так как, кроме силы, не было у Тарквиния никакого права на царство, то и правил он не по приказу народа и не утвержденный сенатом».

²⁰ Попытка А. В. Коптева доказать наличие в Риме системы наследования царской власти по материнской линии (*Коптев А. В. Рим и Альба: к проблеме наследования царской власти в архаическом Риме // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации: Сб. науч. тр. Вологда, 1997.*) не имеет практически никакого подтверждения в источниках. Единственный случай, когда царская власть досталась Анку Марцию – сыну дочери Нумы Помпилия, не дает сколько-нибудь серьезных оснований для таких предположений. Ведь все, что нам известно о системе наследования вообще как в Риме, так и в Альбе, говорит в пользу передачи власти от отца к сыну.

²¹ *Tondo S. Profilo di storia costituzionale...* P. 114.

²² *Fest. 196. 9; Dionys. II. 9. 3*

²³ *Liv. I. 23. 4; 24. 9; Dionys. III. 5.3.*

Итак, традиция изображает рекса пожизненным магистратом, деятельность которого была подчинена обычаям или, выражаясь языком античных авторов, «законам» римской архаической общины. Иоанн Лид (*De magistr.* I. 3) подчеркивает, что римский царь не имел права **«делать что-либо вне законов посредством самовластья, но обязан был утверждать посредством голосования то, что одобрено наилучшими гражданами государства»**. Иоанн Лид считал, что в то время как **«образ действий царя обусловлен законом, то для тирана (наоборот) любой его образ действий законен»**. Сразу встает вопрос, а что происходило, если царь все же нарушал обычаи предков и законы? Ярким примером наказания за незаконные действия царя является изгнание Тарквиния Гордого. Санкцией за его противоправные действия (посягательство на честь римской матроны) было изгнание всего рода Тарквиниев из Рима и конфискация их имущества (*Dionys.* V. 13. 2; *Liv.* II. 5. 1). Подобный же случай произошел с Туллом Гостилием, который был наказан как бы самим Юпитером, по одной версии, за неверное исполнение отеческих обрядов и жертвоприношений (*Liv.* I. 31. 8), по другой - за замену отеческих обрядов иноземными, чуждыми римлянам жертвоприношениями (*Dionys.* III. 35. 2). Согласно преданию, Юпитер уничтожил в огне не только самого царя, но и весь его род и все его имущество. Дабы подобные нарушения со стороны ли царей или кого бы то ни было из римских граждан не происходили, отцы-сенаторы, прежде всего те, которые были посвящены в жреческий сан, следили за правильным исполнением отеческих обычаев и законов. Так, известен прецедент, когда царь Тарквиний Древний пытался нарушить закон Ромула об ауспициях, создав три новые трибы, не посоветовавшись с богами. Авгур Атт Навий наложил запрет на этот законопроект царя и блестяще выиграл возбужденный против него царем судебный процесс²⁴.

Наконец, большой интерес для объяснения властных полномочий царя дает рассмотрение религиозного празднества изгнания царя (*regifugium*). Очевидна связь этого празднества с событиями 510 г. до н.э., с изгнанием царя Тарквиния Гордого и установлением республики²⁵. Однако еще Е.Т. Меррилл²⁶, а за ним и многие другие ученые, исследуя этот праздник, выделили в нем весьма древние пласты, убеждающие нас в существовании этого празднества задолго до 510 г. до н.э., быть может, еще до возникновения са-

²⁴ *Liv.* I. 36. 2-6; *Dionys.* III. 71.

²⁵ *Radke G.* Fasti Romani. Betrachtungen zur Frühgeschichte des römischen Kalenders. Aschendorf; Münster, 1990. S. 50 f.

²⁶ *Merrill E.T.* The Roman Calendar and the regifugium // *Classical Philology.* 1924. Vol. 19. P. 20-39.

мого Рима²⁷. Согласно такой интерпретации, ежегодно с 24 по 28 февраля царь лишался всех своих политических и сакральных полномочий и на пять дней на его место в должность вступал интеррекс. Соответственно, пять дней праздника *regifugium* были днями, во время которых рекс оставался не у дел в ожидании выражения доверия или недоверия отцов-сенаторов к делам, которые он совершал в течение года. Возвращаясь из пятидневного бегства, царь в мартовские календы возвращал себе и свою власть без необходимости проведения новой инаугурации и нового *lex de imperio*²⁸.

Весьма важно сравнить этот ритуал с древнейшим, зафиксированным еще законами XII таблиц правом трех ночей (*ius trinocitii*), позволявшим жене не переходить под власть мужа в силу прерывания годичного срока давности владения ею²⁹. Тот же ритуальный прерыв давности владения царя, происшедший во время празднества *regifugium*, не позволял царю рассматривать свою власть как наследственное владение, обретенное посредством давности.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Несомненно, власть царя носила ограниченный характер и контролировалась как со стороны сената, так и со стороны народного собрания. Царь обязан был во всем следовать отеческим обычаям и законам и поэтому его полномочия сопоставимы с полномочиями пожизненного магистрата.

Однако это отнюдь не означает, что царь был чем-то вроде марионетки в руках патрицианского сената. Его полномочия в законодательной и судебной сфере были достаточно обширны. Конечно, и здесь следует выделить степень, границы этой обширности. Как справедливо отмечает С. Тондо, правовые обычаи эпохи царей часто рождались из судебных прецедентов, то есть из судебных решений суверена по конкретным делам³⁰. Об этом прямо говорит Дионисий Галикарнасский в связи с описанием истории принятия законов XII таблиц. Так, он пишет: «**Тогда у римлян... еще не все принципы правосудия были записаны. Но первоначально их цари вершили правосудие лишь в отношении тех, кто искал его через суд, а принятое ими судебное решение и было законом**»³¹. Однако в тех случаях, когда от царей требова-

²⁷ См. детальный обзор историографии по этой проблеме: Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие... С. 39-41.

²⁸ Guarino A. *Regifugium, quando e perché* // Labeo. 1996. P. 389-393.

²⁹ *Lex XII tab. VI. 5*: «Законом XII Таблиц определено, что если какая-либо женщина не желает таким способом (постоянным сожителем) перейти под власть мужа, то она должна ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и таким образом прерывать годичное давностное владение (ею)».

³⁰ Tondo S. *Profilo di storia costituzionale...* P. 117 sg.

³¹ *Dionys. X. 1. 2*: οὐπω γὰρ τότε Ἄν... οὐδ' ἔτι γραφαὶ ὀπίσθαι τῶν καὶ τεταγμένων· οὐδὲ τῶν βασιλέων ἀπὸ τῶν ἀρχαίων τῶν θεομαθῶν τῶν δικαστῶν καὶ τῶν δικαστῶν... ὅτι τὸ δικαίωμα...

лось создание общих правовых норм, они обязательно утверждали их в куриатных (или после реформ Сервия Туллия – центуриатных) комициях. Помпоний в Дигестах (D. 1. 2. 2. 2) пишет, что **«таким образом и сам (Ромул) внес на обсуждение народу некоторые куриатные законы; вносили их и последующие цари...»**³². Само название «куриатный закон» свидетельствует о способе его принятия – в народных собраниях по куриям. Дионисий Галикарнасский также говорит о том, что со времен Ромула утверждение законов было прерогативой народа (Dionys. II. 14. 3). Далее, известны прямые указания источников на утверждение некоторых конкретных законов в народных собраниях. Цицерон отмечает: **«Дабы вы поняли, сколь мудро уже наши цари предусмотрели, что некоторые права должны быть даны и народу... я укажу, что Тулл Гостилий даже знаками своего царского достоинства решился воспользоваться только по приказу народа. Ведь (он просил приказа о том), чтобы 12 ликторам с фасциями было дозволено шествовать перед ним»**³³. Наконец, Дионисий Галикарнасский рассказывает в отношении царя Сервия Туллия, что **«он утвердил законы об обязательствах и правонарушениях в куриатном собрании»**³⁴. В другом месте он также указывает относительно центуриатной реформы Туллия, что, **«когда нужно было избрать магистрата, либо утвердить закон, либо объявить войну, он стал собирать народ не по куриям, а по центуриям»**³⁵.

Итак, цари представлены в традиции лишь как создатели законопроектов, законодателем же в полном смысле этого слова был сам римский народ. Действительно, закон во всех римских юридических источниках всегда определяется как «приказ народа», а не как волеизъявление царя³⁶. Следовательно, понятия *leges regiae* и *leges curiatae* идентичны, и в первом случае указывается лишь на то, что они приняты по инициативе царей, а во втором – что они утверждены в куриатных комициях.

Однако мы уже отмечали, что при отсутствии общих законов их роль выполняли судебные решения царей. Силу законов эти судебные решения играли еще и потому, что сам судебный процесс представлял собой форму совещания с богами и царь посредством своего судебного жезла *lituus* вершил правосудие

³² Pomp. D. 1. 2. 2. 2: Et ita leges quasdam et ipse curiatas ad populum tulit: tulerunt et sequentes reges.

³³ Cic. De rep. II. 31: ...ne insignibus quidem regiis Tullus nisi iussu populi est ausus uti. Nam ut sibi duodecim lictores cum fascibus anteire liceret...

³⁴ Dionys. IV. 13. 1: αρεπαιτα τοϋτj νòμουj τοϋτj τε sunallaktikoϋτj ka^ τοϋτj per^ tin ϕdikhmftwn τμπεκϋρwse τα<j frftraij...

³⁵ Dionys. IV. 20. 3: Δρòτε g|r ϕrc|j ϕpodeiknϋein À per^ nòμου diaginèskein À pòlemon τμkfsrein dòxeien aϋtù, t³¼n loc<tin ϕnt^ tÁj fratrikÁj sunÁgen τμkklhs...an.

³⁶ Gai. Inst. I. 3: Lex est, quod populus iubet atque constituit. Ср. Cic. De leg. I. 19; Iul. D. 3. 32. 1.

именем Юпитера. Как верховный жрец, он стоял над всеми прочими жрецами и отцами-сенаторами и мог с помощью ауспий сам вопрошать богов по тому или иному делу, ведь в древней иерархии сословия жрецов именно царю отводилось первенствующее место, так как он в сакральной сфере считался самым могущественным³⁷. Так, мы знаем, что даже и в республиканский период царь жертвоприношений, который был лишь слабой тенью величия прежних царей, тем не менее так же, как и некоторые другие жрецы, имел право издавать эдикты и декреты, объясняющие тот или иной сакральный институт³⁸. Следовательно, и древние цари обладали таким правом.

В связи с этим весьма важен такой правовой источник, как комментарии царей к законам (*commentarii regum*). В научной литературе иногда путают собственно царские законы и царские комментарии к ним³⁹. Между тем комментарии не имели силы закона, и на них можно было опираться лишь в силу авторитета царей, так же как в более поздний период ссылались на комментарии юристов. Цицерон, защищая в суде дело Рабирия по обвинению его в государственном преступлении (*perduellio*), ссылается на комментарии царей⁴⁰. Особенно часто ссылаются на книги и комментарии Нумы Помпилия к законам о жертвоприношениях. Так, Ливий упоминает комментарии Нумы к жертвоприношениям Юпитеру Элицию (*Liv. I. 31. 8*), а Плиний в связи с этим говорит о «книгах Нумы» (*ex Numaе libris. - Plin. N.H. XXVIII. 4*). Комментарии Нумы были использованы и Анком Марцием при приведении им в порядок общественных священнодействий (*Liv. I. 32. 1; Dionys. III. 36*). Плутарх упоминает комментарии Нумы о жертвоприношениях Юпитеру Феретрию, связанных с захватом военных трофеев (*Plut. Marcel. 8*). Известны также комментарии Сервия Туллия к его же законам по центуриатной реформе⁴¹.

³⁷ *Fest. Ordo sacerdotium*, P. 198 L.: «Сословие жрецов оценивается по порядку богов, так как всякий бог главный. Главным считается рекс, затем жрец Юпитера, после него жрец Марса, на четвертом месте жрец Квирина, на пятом - великий понтифик. Таким образом, пусть царь главенствует над всеми, жрец Юпитера - над жрецом Марса и жрецом Квирина, жрец Марса - над следующим, все же они пусть главенствуют над понтификом. Царь главенствует, потому что он самый могущественный, (фламин) Юпитера - потому что он жрец всего мира, который зовется божественным, (фламин) Марса - потому что Марс родитель основателя Города, (фламин) Квирина - потому что Квирина был привлечен из г. Куры как союзник римской власти, великий понтифик - потому что он считается судьей и посредником в делах божеских и человеческих».

³⁸ *De Francisci P. Primordia civitatis*. Roma, 1959. P. 556.

³⁹ См., например: *Модестов В.* Римская письменность в период царей. Казань, 1868. С. 33 сл.

⁴⁰ *Cic. Pro Rabir.* 15.

⁴¹ *Модестов В.* Указ. соч. С. 34.

Так, по рассказу Ливия, выборы первых консулов в центуриатных комициях были проведены в соответствии именно с комментариями Сервия Туллия (*Liv.* I. 60. 4).

Таким образом, царь, вынося судебные решения, опирался не только на законы и обычаи предков, но и на собственную их интерпретацию (*Cic.* De rep. V. 2. 3), на свое понимание божественной справедливости. Однако и судебная юрисдикция царя была ограничена. Известно, что уже при царях, по крайней мере со времени Тулла Гостилия, применялась апелляция к народному собранию на судебные решения царей⁴². Правда, некоторые исследователи полагают, что у Ливия в связи с судебным процессом над Горацием при царе Тулле Гостилии речь идет об апелляции на решение дуумвиров, а не царей⁴³. Считая судебную власть царя абсолютной⁴⁴, эти ученые ссылаются на место из Помпония в Дигестах, где говорится, что *«после изгнания рексов были установлены должности двух консулов... но чтобы они не присвоили себе всей царской власти, был издан закон, чтобы на их решения была провокация и чтобы они не могли распоряжаться жизнью римского гражданина без приказа народа»*⁴⁵. Это место из Помпония действительно как будто свидетельствует о противопоставлении неограниченной царской и контролируемой консульской власти. Однако в данном случае противопоставляется не царская власть вообще, а лишь тираническая власть последнего царя Тарквиния Гордого, отменившего законы прежних царей и действительно не допускавшего и мысли о возможности опротестовать его приговор в народном собрании. Что же касается утверждения, что провокация была возможна лишь на суд дуумвиров, а не на приговор царя, то следует возразить, что свидетельства Цицерона⁴⁶ и Сенеки⁴⁷ говорят о праве обращения за защитой к народу вообще, а не в связи лишь с деятельностью дуумвиров. Но даже если предположить правоту этих исследователей, все равно очевидно верховенство народного суда над царским, так как provocatio совершалась именно к народу, а не к царю.

Однако, несмотря на все эти ограничения царской власти, следует согласиться с мнением Цицерона, что все же *«высший империй принадлежал царю»*, что в Риме эпохи Ромула *«все же решительно преобладают могу-*

⁴² Tondo S. Profilo di storia costituzionale... P. 119; *Idem.* Leges regiae... P. 26 ss.

⁴³ Азаревич Д. Патриции и плебеи... Т. 2. С. 155.

⁴⁴ Woeniger. Das Provocationsverfahren der Römer. Leipzig, 1843. S. 232-257/

⁴⁵ D. 1. 2. 2. 16: Exactis deinde regibus consules constituti sunt duo... qu<i> tamen ne per omnia regiam potestatem sibi uindicarent, lege lata factum est, ut ab eis prouocatio esset neue posse<n> in caput ciuis Romani animaduertere iniussu populi: solum relictum est.

⁴⁶ *Cic.* De rep. II. 31; Tuscul IV. 1.

⁴⁷ Sen. Epist. 108. 31: *«Право апелляции к народу было уже у царей; некоторые, в том числе Фенестелла, полагают, что об этом сказано в понтификальных книгах».*

щество, власть и имя царя». И хотя, по словам Цицерона, Ромул уделил некоторую власть и народу, но над последним всегда тяготел страх, что **«царь окажется несправедливым»** (Cic. De rep. II. 50). Кроме того, Цицерон справедливо отмечает, что власть царя хороша там, где он может полагаться лишь на собственные силы, а при усложнении государственных задач нельзя обойтись без помощников. Действительно, мы видим, что уже Ромул помимо сената ввел должность префекта города для исполнения правосудия в отсутствие царя⁴⁸. Он же ввел трибуна целеров⁴⁹. Уже при первых царях существовали уголовные квесторы, причем не назначаемые царем, а избираемые народом (Ulp. D. 1. 13. 1). В их юрисдикции был разбор уголовных дел об отцеубийцах⁵⁰. Судебными полномочиями обладали и учрежденные Нумой Помпилием жреческие коллегии авгуров, понтификов и фециалов⁵¹. Наконец, если первоначально, по словам Цицерона **«ни одно частное лицо не было ни судьей, ни арбитром по тяжбе, все вершилось царским судом»**⁵², то Сервий Туллий создал новую судебную коллегию из частных лиц по разбору частных правонарушений (Dionys. IV. 25. 2).

Таким образом, по мере расширения роли законодательных и судебных функций в государстве рос и сам государственный аппарат, обслуживавший эти функции. Соответственно, рос и авторитет царя, возглавлявшего этот становящийся все значительнее аппарат. Расширение военных успехов также серьезно усиливало власть царя, что при Тарквинии Гордом привело к явному дисбалансу соотношения сил между царской властью, властью сената и народа и к уничтожению всякой законности. Поэтому дальнейшее развитие римского права стало возможным лишь при изменении государственного строя и переходе к Республике.

⁴⁸ Tac. Ann. VI. 11; Dionys. II. 12. 1.

⁴⁹ Dionys. II. 13. 3; Liv. I. 15. 8; Plut. Rom. 26. 6.

⁵⁰ Tondo S. Leges regiae e paricidas. Firenze, 1973. P. 136 ss.

⁵¹ См.: Кофанов Л. Л. Коллегия авгуров // Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Под ред. Л.Л. Кофанова. М., 2001. С. 14-22; 88-99.

⁵² Cic. De rep. V. 2. 3: *«Ничто не было в такой мере признаком царской власти, как проявление справедливости; оно включало в себя истолкование права, так как частные люди обыкновенно искали правосудия у царей и по этим причинам устанавливались границы пахотной земли, лесов и обширных и тучных пастбищ, которые были царскими и обрабатывались без труда и усилий царей, чтобы никакая забота о частных делах не отвлекала их от народных дел. И ни одно частное лицо не было ни судьей, ни арбитром по тяжбе, все вершилось царским судом».*

ЗАКОН О ВВЕДЕНИИ МАГИСТРАТУРЫ ДИКТАТОРА В РИМСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

Посвятив несколько лет назад раннереспубликанской диктатуре специальную монографию¹, мы только вскользь упомянули о наличии проблемы правовых основ введения диктатуры в римскую политическую систему, не выделив ее хотя бы в отдельный параграф. Восполняя этот пробел, остановимся на вопросе о существовании особого закона, учредившего магистратуру диктатора. Побуждает нас к этому и то обстоятельство, что в мировой историографии последнего десятилетия на данный вопрос неоднократно давался отрицательный ответ.

Античная традиция утверждает, что магистратура диктатора была создана, когда республиканский опыт римлян насчитывал около десятка лет: в 501 г. до н.э., по Титу Ливию (II. 18. 4-5), который ссылается на «древнейших писателей» (*veterrimos auctores*); в 498 г. до н.э., по Дионисию (V. 72); **«почти через десять лет после первых консулов»**, по Цицерону (*Cic. Resp. II. XXXII. 56*)². Сохраняет это представление и Евтропий: **«на девятый год после изгнания царей... в Риме была учреждена новая почетная должность, которая была названа диктатурой»** (*Eutrop. I. 12. 1*)³. К названным датам античные авторы приурочивают собственно назначение первого диктатора. И.В. Нетушил, гиперкритически подходя к традиции, отрицал историчность первых трех диктаторов и относил появление диктатуры к 437 г. до н.э.⁴ С.И. Ковалев усматривал реальность возникновения диктатуры только после 444 г. до н.э., то есть после введения консулярного военного трибуната⁵. В современной историографии Дитер Флах считает, что диктаторы

---

¹ Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике. Ярославль, 1996. 128 с.

² *Atque his ipsis temporibus dictator etiam est institutus decem fere annis post primos consules... (И притом еще именно в эти времена диктатор был учрежден, почти через десять лет после первых консулов...)*

³ *Nono anno post reges exactos cum gener Tarquini ad iniuriam soceri vindicandam ingentem collegisset exercitum, nova Romae dignitas est creata, quae dictatura appellatur... (На девятый год после изгнания царей, когда зять Тарквиния, мстя за несправедливость, причиненную тестю, собрал сильное войско, в Риме была учреждена новая почетная должность, которая была названа диктатурой...).* Анализ информации Евтропия и сопоставление ее с текстом Ливия см.: Capozza M. *Roma fra monarchica e decemvirato nell' interpretazione di Eutropio*. Roma, 1973. P. 65-68.

⁴ Нетушил И.В. Первый римский диктатор // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. 6. С. 493-511; 1907. Ч. 7. 1. С. 20.

⁵ Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 90-91.

как чрезвычайные полугодичные магистраты появились в Риме после 366 г. до н.э., поскольку потребность в них могла возникнуть только при наличии ординарной коллегияльной магистратуры, а до оформления консулата по законам Лициния-Секстия он таковой не обнаруживает⁶. Джузеппе Валдитара датирует введение чрезвычайной магистратуры диктатора тоже не в соответствии с античной традицией, но все же относит ее возникновение к V в. до н.э., ко времени, предшествовавшему созданию консулярного трибуната, связывая, так же как и Д. Флах, ее введение с оформлением отношений коллегияльности в высшей постоянной магистратуре⁷.

Вместе с тем, в сочинениях древних писателей речь идет не только о первом случае передачи власти диктатору, но и о государственно-правовых основах появления этой должности. Дионисий отмечает, что законодательное предложение (*proboŪleuma* – обычный перевод на греческий слова *rogatio*) было поставлено на голосование народа (V. 70. 4)⁸. Дионисий использует при этом термин *dhmotiko*..., который у греческих авторов применялся, когда следовало обозначить народ вообще, его широкие массы (*Dionys.* V. 70. 5)⁹. У Ливия говорится: «избирать консуляров, как предписывал принятый закон об учреждении диктатора» (*Liv.* II. 18. 5)¹⁰. Таким образом, у Ливия отмечен закон – *lex*. Фест называет его «высший закон» – *optima lex* (*Fest.* 216 L): «высший закон [- -], согласно которому был учрежден начальник народа, называвшийся обыкновенно диктатором»¹¹. Проблема правовых основ введения

---

⁶ Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. Darmstadt, 1994. S. 18-19, 72.

⁷ Valditara G. Studi sul magister populi. Dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani. Milano, 1989. P. 266-268, 359-365.

⁸ Ἄν δὲ τῷ *proboŪleuma* τοῖνδε *Lfrkion* μὲν καὶ *Klo*... *lion* τὸ ἄλλο τὸτε ὈπάτεŪονταὶ *ε̅ροq̅ssqai* τ³/₄n *TMxous*...an, καὶ *e̅ϕ* τῆς *Ūlloj* *ε̅rc*»n tina *e̅cen* Ἄ *pragm̅ftwn* tinîn koinîn *TMpim̅šleian*· »na d' *Ūndra*, Ὄν ἄν τ¹/₄ te *boul*³/₄ *prošlhtai* καὶ *Ἔ* d' *Ámoj* *TMpiyh*f...sV, τ³/₄n *ŵp̅ftwn* *TMxous*...an *paralab*Ūonta *Ūrcein* μ³/₄ *ple*...ona *cr*Ūnon ἄхам»nou, kre...ttona *TMxous*...an *ε̅conta* tin̅ *Ūp̅ftwn*. (Было такое законодательное предложение, чтобы Ларций и Клулий, являвшиеся тогда консулами, сложили власть, и кто-нибудь другой имел власть для управления общественными делами; это должен быть человек, которого выдвигает сенат и утверждает голосованием народ; приняв всю власть, управлять он должен не более шести месяцев, имея более могущественную власть, чем консулы.)

⁹ ...of *dhmotiko*ˆ *yhf*...*zontai* *kŪria* *e̅nai* t̅ *dŪxanta* t̅ *boul*Í Ἄn d' *Ūra* ¹ *kre*...*ttwn* *ε̅rc*³/₄ *tÁj* *kat*̅ *<*toŪs> *nŪmoj* *turann*...j̅. (...народ утверждает голосованием, что высшая власть действует по представлению сената, будучи более могущественной, чем власть, подчиненная законам, и неограниченной...)

¹⁰ *consulares legere, ita lex iubebat de dictatore creando lata*...

¹¹ *optima lex* [- -] in *magistro populi faciundo, qui vulgo dictator appellatur*...

диктатуры в римскую политическую систему сводится, таким образом, к существованию специального закона – *lex de dictatore creando*. В историографии его нередко признают историчным¹². Джованни Ротонди считал достоверными свидетельства о нем и относил его под вопросом к 499 г. до н.э.¹³, очевидно принимая датировку Дионисием первого использования диктатуры в политической практике и полагая, что закон ставился на голосование заблаговременно. Джордж Ботсфорд опирался на датировку Ливия и связывал с 501 г. до н.э. не только первое назначение диктатора, но и *lex de dictatore creando*¹⁴. Однако от Теодора Моммзена идет теория, разделявшаяся Отто Карловой, Артуром Розенбергом, Йозефом Фогтом и другими исследователями, в соответствии с которой уже с момента основания Республики была предусмотрена возможность в случае опасности вводить чрезвычайное единоличное правление¹⁵. Т. Моммзен полагал, что диктатура (как и консулат) были интегрированными составными частями римской конституции сразу после введения Республики, поэтому считал указания источников на специальный закон о введении должности диктатора недостоверными. В соответствии с таким взглядом, институт диктатуры появился благодаря необычайной политической прозорливости основателей Республики. Нам представляется маловероятным, что одновременно с отменой пожизненной царской власти была предусмотрена такая же по объему, хотя и ограниченная во времени власть. Логичнее предположить, что к восстановлению *regium imperium* римляне вынуждены были прибегнуть в ходе кризисной ситуации, что, собственно, и сообщает нам традиция. Вероятно, что именно практика политической (внешней и внутренней) жизни Республики заставила обратиться при опасном положении к концентрации власти в одних руках. Сказанное относится и к нашему несогласию с гипотезой ординарной диктатуры, в соответствии с которой на первом (или втором, – если первый рассматривается как год ординарного интеррегнума) была введена не экстраординарная должность диктатора, а постоянная годовичная магистратура одного

---

¹² *Becker W.A.* Handbuch der Römischen Alterthümer. Bd. 2. Leipzig, 1846. S. 154-155; *Schwegler A.* Römische Geschichte. Bd. 3. Tübingen, 1858. S. 124; *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd. 1. Berlin, 1876. S. 750-751; *Cohen D.* The origin of Roman dictatorship // *Mnemosyne*. 1957. Vol. 10. P. 308.

¹³ *Rotondi G.* *Leges publicae Romani*. Hildesheim, 1962. P. 191.

¹⁴ *Botsford G.W.* *The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic*. N.Y., 1909. P. 233.

¹⁵ *Mommsen Th.* *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Leipzig, 1874. S. 127; *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 209-210; *Karlowa O.* *Römische Rechtsgeschichte*. Bd. 1. Leipzig, 1885. S. 211-212; *Rosenberg A.* *Der Staat der alten Italiker. Untersuchungen über die ursprüngliche Verfassung der Latiner, Osker und Etrusker*. Berlin, 1913. S. 78; *Vogt J.* *Römische Geschichte*. 4. Auf. Basel; Freiburg; Wien, 1959. S. 41; *Walter F.* *Geschichte des römischen Rechts bis auf Justinian*. 3. Auf. Bonn, 1960. S. 209.

лица, независимо от того, признают ли ее сторонники наличие специального *lex de dictatore creando*.

Точку зрения об отсутствии как такового закона о введении диктатуры отстаивает в современной историографии Унто Паананен¹⁶. Финский исследователь обращает внимание на употребление Ливием понятия *lex lata*, но считает это выражение слишком лаконичным, чтобы на его основе признать достоверность закона, – нет информации ни о том, по чьей инициативе он был принят, ни о том, какой орган это сделал. Усмотрев по тексту Дионисия в слове *proboŪleuma* постановление сената (игнорируя при этом основное его значение по отношению к римским реалиям – законодательное предложение), а в слове *dhmotiko...* – одних только плебеев, У. Паананен сделал вывод, что для ратификации посредством плебисцита был еще слишком ранний период, поэтому Дионисий ошибся, «хотя его информация относительно роли сената, очевидно, исторически более надежна»¹⁷. Такие заключения привели его к итоговому утверждению, что должность диктатора была создана только по решению сената, а «народ» – это «люди, собранные для слушания решения» или его «вокального одобрения». Проведение по поводу голосования данного закона центуриатных комиций У. Паананен категорически отрицает, допуская, правда, возможность куриатного собрания, в котором, по его мнению, плебеи были широко представлены. Финский антиковед, находясь в плену своей априорно постулированной концепции, что все акты, известные по античной традиции как законы о магистратах V - II вв. до н.э., таковыми не являлись, отрицает очевидные и однозначные свидетельства источников, но на них же, переиначивая смысл терминов, пытается подтвердить свой тезис. На наш взгляд, выводы У. Паананена настолько уязвимы, что это лишает его гипотезу какой-либо обоснованности. *ProboŪleuma* не имеет в греческих текстах применительно к римской государственности единственным (тем более – основным) значением *senatusconsultum*, *dhmotiko...* – не обязательно только плебеи, куриатные собрания тоже принимали законы, а плебейское представительство в них весьма проблематично. К тому же если латинские авторы употребляют понятие *lex*, то отрицать наличие закона на том основании, что они не отмечают, какой орган его принял, вообще, по меньшей мере, странно, ибо *lex* – это только и исключительно принятый в народном собрании акт.

Таким образом, мы, опираясь на сообщения источников и их рациональную критику, склонны считать, что диктатура не была предусмотрена при конституировании Республики, а была учреждена особым законом.

¹⁶ *Paananen U. Legislation in the comitia centuriata // Acta Instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1993. Vol. 13. P. 16-17.*

¹⁷ *Ibid. P. 17.*

Каким термином назван был в этом законе высший экстраординарный магистрат?

Носитель изучаемой должности обозначен в источниках на языке оригинала либо *magister populi*, либо *dictator*. В переводах на греческий имеется несколько вариантов: *αὐτοκράτωρ* (*Diod.* XII. 64. 1), *αὐτοκράτωρ στρατηγῶν* (*Diod.* XIX. 76. 3; *Polyb.* III. 87. 7; VI. 18. 9), *αὐτοκράτωρ* (*Dionys.* V. 73. 3), *ἀρχηγός* (*Dionys.* V. 73. 1; *App.* B. C. I. 3; *Plut.* Cam. XVIII) или транслитерация – *diktator* (*Dionys.* V. 73. 1; *Polyb.* III. 87. 7; VI. 18. 9; *App.* B. C. I. 99).

Цицерон (*Cic. Resp.* I. XL. 63) со ссылкой на книги авгугов утверждает, что первоначально должность диктатора называлась *magister populi* (начальник народа). В соответствии термина *magister populi* диктатору при возникновении магистратуры не сомневались большинство исследователей¹⁸. Концепцию о том, что *magister populi* и диктатор – это разные должно-

---

¹⁸ *Mommsen Th.* Römische Staatsrecht... Bd. 2. S. 124, 142; *Idem.* Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig, 1893. S. 161; *Dupond A.* De Dictatura et de magisterio equitum. Parisius, 1875. P. 3; *Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. 1. Leipzig, 1884. S. 720; *Karlowa O.* Op. cit. S. 217; *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 157; *Санчурский Н.* Краткий очерк римских древностей. Пг., 1916. С. 105; *Jones S.H.* The dictatorship // *The Cambridge Ancient History.* Vol. 7. Cambridge, 1928. P. 440; *Birt Th.* Was heißt *bocleŭj* was heißt Dictator? // *Rheinisches Museum für Philologie.* Bd. 76. 1927. S. 24; *Leifer F.* Studien zum antiken Ämterwesen (zur Vorgeschichte des Römischen Führeramts) // *Klio-Beihefte.* Leipzig, 1931. Bd. 23. S. 104; *Rudolph H.* Stadt und Staat im römischen Italien (Untersuchungen über die Entwicklung des Munizipalwesens in der republikanischen Zeit). 2. Verlag. Göttingen, 1965. S. 24; *Wilcken U.* Zur Entwicklung der römischen Diktatur. Berlin, 1940. S. 5; *Stark R.* Ursprung und Wesen der altrömischen Diktatur // *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie.* 1940. Heft 2. S. 359; *Dulceit G.* Römische Rechtsgeschichte. München; Berlin, 1952. S. 27; *Arangio-Ruiz V.* Storia del diritto romano. Napoli, 1940; P. 103; *Hanell K.* Das altrömische Eponyme Amt. Lund, 1946. S. 194; *Vogt J.* Op. cit. S. 41; *Werner R.* Der Beginn der römischen Republik. München; Wien, 1963. S. 262; *von Lübtow U.* Die römische Diktatur // *Der Staatsnotstand.* Berlin, 1965. S. 96; *Momigliano A.* Osservazioni sulla distinzione fra patrizie e plebei // *Entretiens sur l'antiquité classique.* 1967. Bd. 13. P. 213; *Alföldi A.* Zur Struktur des Römerstaates im V. Jahrhundert v. Chr. // *Entretiens sur l'antiquité classique.* 1967. Vol. 13. P. 238; *Bernardi A.* Dagli ausiliari del rex al magistrati della respublica // *Athenaeum.* 1969. Vol. 30. P. 25-26; *Kunkel W.* Kleine Schriften. Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar, 1974. S. 476; *Kaser M.* Römische Rechtsgeschichte. 2. Auf. Göttingen, 1978. S. 39; *Ridley R.* The Origin of the Roman Dictatorship: An Overlooked Opinion // *Rheinisches Museum für Philologie.* 1979. Bd. 122. Heft. 3/4. P. 305; *Heuß A.* Römische Geschichte. Braunschweig, 1977. S. 544; *Idem.* Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt. Göttingen, 1983. (Nachrichten

сти, разработал Джузеппе Валдитара, посвятивший изучению первой из них специальную монографию¹⁹. Согласно его теории, *magister populi* и его заместитель *magister equitum* появились в царскую эпоху. Собственно, в этом мнении он имел предшественников²⁰, нередко усматривавших этрусское слово *mastarna* (упоминаемое в связи с царем Сервием Туллеем) как эквивалент латинскому *magister*²¹. Возникновение пары *magister populi* – *magister equitum* Дж. Валдитара связывает с введением гоплитской тактики (принятой при этрусских царях в результате заимствования из Греции через Этрурию). Будучи ординарным военным помощником при царе, *magister populi* (*populus* понимается им именно в смысле гоплитского войска) не выполнял политических функций, не обладал империем (носителем *imperium* был царь). *Magister populi* вместе с *magister equitum*, а также с *praefectus urbi* явились, согласно его концепции, «монархическими предшественниками» высшей ординарной республиканской магистратуры, имея и конкретные исторические персонификации: соответственно Публий Валерий, Марк Юний Брут и Спурий Лукреций. В республиканской конституции царский империй достался *magister populi*, который выступал в качестве *praetor maximus*, а два других члена коллегии – в роли *praetores*. К тому же, на взгляд Дж. Валдитары, оба *magistri* регулярно выбирались народом, а *praefectus urbi* назначался от «начальника народа». Далее, согласно представлениям итальянского исследователя, разделение легиона привело к равной коллегиальности двух военачальников, а создание диктатуры было сознательным возвратом к ранним отношениям неравной коллегиальности. При этом *magister populi* послужил одним из примеров для магистратуры диктатора, которая в целом же, по мнению Дж. Валдитары, была заимствована у Латинского союза. Таким образом, Дж. Валдитара совершенно опре-

---

der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1. Philologisch - Historische Klasse, 1983.) S. 62-63; *Giovannini A.* Les origines des magistratures romanes // *Museum Helveticum*. Basel, 1984. Vol. 41. Fasc. 1. P. 19-21.

¹⁹ *Valditara G.* Studi sul *Magister populi*. Dagli ausiliari militari del rex ai primi magistrati repubblicani. Milano, 1989.

²⁰ *Нетушил И.В.* Очерк... С. 175; *Meyer Er.* Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich; Stuttgart, 1961. S. 39, 112, 157; *Dulckeit G.* Op. cit. S. 24; *Gjerstad E.* The origins of the Roman Republic // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 25; *Heuß A.* Gedanken... S. 437.

²¹ *Beloch K.-J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin; Leipzig, 1926. S. 231-236; *Mazzarino S.* Dalla monarchia allo stato repubblicano. Catania, 1946. P. 192. См. об этом также: *Linke B.* Von der Verwandtschaft zum Stadt. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart, 1995. S. 139.

деленно выступил против идентификации диктатора с *magister populi* и на этой основе отрицал связь этих титулов.

В отечественной историографии данный взгляд разделяет В. Н. Токмаков (независимо от Дж. Валдитары, поскольку нигде не упоминает его работу), утверждая, что «происхождение диктатора от магистра попули более чем сомнительно»²². При этом В. Н. Токмаков (что принципиально отличает его позицию от теории Дж. Валдитары) придерживается точки зрения, что первой ординарной республиканской должностью была двухместная претура, а не трехчленная коллегия (в которой *magister populi* был руководителем), но в трактовке отсутствия связи между двумя титулами смыкается с Дж. Валдитарой. Поддерживает представление о нетождественности этих политических структур и Дитер Флах²³. Поскольку, по его мнению, потребность в диктаторе могла появиться только после оформления консулата по законам Лициния-Секстия, то должности «начальника народа» и диктатора были разными (под *magister populi* он, в отличие от Дж. Валдитары, понимает не руководителя коллегии, а ординарного диктатора). *Magister populi*, по мнению Д. Флаха, так же как и Дж. Валдитары, занимал ординарную должность, а *dictator* – экстраординарную.

Сформулируем свое отношение к концепции об отсутствии связи названий и должностей *magister populi* и *dictator*. Возможно, что действительно при этрусских царях существовал ординарный военный помощник с титулом *magister populi*, но это не означает, что с установлением Республики именно он стал высшим постоянным магистратом и диктатор как возникший позже экстраординарный магистрат не имел к названному титулу никакого отношения. Гипотеза Дж. Валдитары о коллегии из трех человек как высших должностных лицах начала Республики есть результат умозрительного логического построения (как и многие другие концепции исполнительной власти этого периода). В условиях, когда она не может быть ни подтверждена основательно источниками, ни безоговорочно опровергнута ими, допустимо как согласиться, так и не согласиться с ней. Ничему не противоречит и взгляд, который мы предлагаем, и в соответствии с которым одним и тем же титулом именовались две должности (помощника при царе и экстраординарного диктатора), как это имело место в римской общине и в других случаях (например, две разные претуры). К помощнику царя чрезвычайный республиканский магистрат прямого отношения действительно мог не иметь, но это не значит, что первоначальное название диктатора не дуб-

---

²² Токмаков В. Н. Цель и значение диктатуры в раннеримской республике (V - IV вв.) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 113.

²³ Flach D. Die Gesetze... 4. S. 72.

лировало обозначение более древней должности. В отношении исходного названия диктатора для нас здесь – независимо ни от каких построений историков – наибольший авторитет Цицерон. Его указание на титул *magister populi* как первоначальный для диктатора, да еще с отсылкой на книги авгу-ров, перевешивает в наших глазах исследовательские теории. К тому же отметим (что обычно забывается исследователями) подтверждение информации Цицерона Фестом (Fest. 216 L). У римского грамматика прямо сказано, что *magister populi* обыкновенно назывался диктатором – **qui vulgo dictator appellatur**. Таким образом, даже если признать существование в царский период должностного лица с титулом *magister populi*, то следует, на наш взгляд, различать связь собственно между этой должностью и ранне-республиканской диктатурой (ее действительно могло и не быть) и связь между названиями *magister populi* и *dictator* как относившимися к одной и той же чрезвычайной должности (первое из которых было более ранним).

Н.В. Чеканова в тексте кандидатской диссертации и опубликованном на ее основе учебном пособии понимает название *magister populi* как более поздний титул диктатора, появившийся после изменения характера его власти²⁴, что вообще не имеет никаких оснований в источниках и является следствием незнания существа поставленных в историографии в связи с этим термином проблем.

Итак, мы признаем, что *magister populi* – исходное название республиканской должности диктатора, независимо от того, имелось ли в царский период так же обозначавшееся должностное лицо.

На смысловых оттенках термина *magister populi* и причине смены его на название *dictator* мы уже останавливались²⁵. Второй титул не так «резал уши» граждан Республики указанием на авторитарность власти его носителя. Многие исследователи принимают основополагающим для термина *dictator* корень «dicere», а также его усиление – «dictare». В основе этого взгляда лежит представление, сложившееся в античной традиции. Цицерон (*Cic. Resp. I. XL. 63*) название *dictator* объяснял от *dicere*: «...сам его титул свидетельствует о сущности его власти. Ведь диктатор именно оттого так называется, что его назначают» (возможен вариант перевода – провозглашают)²⁶. Санто Мадзарينو, усматривая латинское происхождение магистратуры, отмечал, что руководитель Латинского союза назывался *dicator*, что и было с небольшим изменением

²⁴ Чеканова Н.В. Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от республики к империи: Учеб. пособие. Ярославль, 1990. С. 21.

²⁵ Дементьева В.В. Магистратура диктатора... С. 40-41.

²⁶ *ipsum nomen vim suae potestatis indicat. Nam dictator quidem ab eo appellatur, quia dicitur...*

заимствовано римлянами²⁷. Т. Бирт подбирает такие синонимы исходному смыслу слова *dictator* как *orator*, *spectator*, *moderator*²⁸. Ульрих фон Любтов считал, что «в переносном смысле» в содержании термина имелось в виду «*Befehle diktieren*» – «диктовать (отдавать) приказы»²⁹. Весьма любопытны терминологические наблюдения Иоханнеса Ирмшера, сделанные по текстам средневековой латыни³⁰. В частности, он отмечает близость употребления в них слова *dictator* понятиям *scriptor* и *notarius* (а для одного случая в документе XII в. термин *dictator* непосредственно применен к человеку, должность которого называлась *notarius*)³¹.

Если из цитированного текста Феста (*Fest.* 216 L) очевидно, что титул *magister populi* применялся к диктаторам *optima lege*, то диктаторов *imminuto iure*, вероятнее всего, им не называли, применяя только обозначение *dictator*. Этот последний термин использовался и по отношению к диктаторам *rei gerundae causa* (причем, вероятно, еще до того, как появились диктаторы с ограниченной компетенцией). По нашему мнению, вряд ли новое название – *dictator* – было введено в обиход вместе с появлением диктаторов *imminuto iure*, как это иногда трактовалось в литературе (в частности, Рудольфом Штарком и Филиппом Гюнтером³²), поскольку оно для античных авторов служит основным и применительно к диктаторам *optima lege*. Но когда произошло вытеснение исходного названия наиболее употребительным титулом *dictator*, точно сказать трудно. На наш взгляд, вполне вероятно, что оба титула стали использоваться как синонимичные довольно рано, некоторое время (сравнительно долгое) сосуществовали, а затем исходное название постепенно ушло в прошлое. При формулировании положений закона о создании магистратуры должен был использоваться первоначальный титул – *magister populi*. Даже если термин *dictator* появился синхронно ему, в правовом акте, принятом комициями, должно было содержаться официальное обозначение должности. В том, что она «при рождении» имела официальное название «начальник народа», убеждают нас Цицерон и Фест; более «нейтральное» на латыни слово «диктатор», судя по сообщениям этих античных авторов, бытовало поначалу неформально. Ливий же (*Liv.* II. 18. 5), упомянув за-

²⁷ *Mazzarino S.* Dalla monarchia... P. 154-157; 198-199; *Idem.* “Dicator” e “dictator” // *Helikon.* 1967. Bd. 7. P. 426-427.

²⁸ *Birt Th.* Op. cit. S. 203.

²⁹ *von Lübtow U.* Die Römische... S. 96.

³⁰ *Irmsher J.* Die Diktatur – Versuch einer Begriffsgeschichte // *Klio.* 1976. Bd. 58. Heft 1. S. 273-287.

³¹ *Ibid.* S. 281-282.

³² *Stark R.* Op. cit. S. 359; *Günter B.Ph.* Politische Wortstudien // *Gymnasium.* 1959. Bd. 66. S. 98.

кон о создании магистратуры диктатора, использовал титул *dictator* как более привычный и распространенный в его время. Тем не менее, мы полагаем, что формулировка названия закона, приведенная Ливием, может употребляться историками как закрепленная античной традицией.

Итак, на вопрос о существовании закона о введении магистратуры диктатора в римскую конституцию мы даем положительный ответ. При этом название должности, включенное в формулировку данного закона, видится нам как *magister populi*. Однако сколь-нибудь адекватное и полное воспроизведение содержания этого закона невозможно. Ливий упоминает лишь о том, что диктаторами могли быть только бывшие консулы (консуляры): *consulares legere* (*Liv.* II. 18. 5). Но эта норма нарушалась множество раз, причем особенно часто в раннее время: до 321 г. до н.э. неконсуляры назначались диктаторами около двадцати раз, далее же подобные случаи были единичны. (Поэтому расхожие утверждения в литературе, что диктаторы были «обычно из консулов»³³ не вполне корректны.) На основании отмеченной картины закон о создании магистратуры диктатора иногда объявлялся исследователями результатом обобщения поздней практики³⁴. Другие же авторы делали попытки объяснить нарушения зафиксированной Ливием нормы³⁵, третьи понимали ее как нестрогое обязательное предписание³⁶, а четвертые отрицали само ее существование³⁷. Г. Мартынов, в частности, считал информацию Ливия по поводу этой нормы закона о введении диктатуры результатом того, что римский историк был незнаком с ранними учреждениями и неверно о них рассказал³⁸. Иоханнес Ирмшер отмечал, что, по крайней мере, формулировка содержания закона Ливием допускает возражения против существования *lex de dictatore creando*³⁹. Нам представляется, что отрицать сам факт принятия закона только на основе нечеткой передачи его положений или же неясности применения его норм (либо изменения их) неправомерно. Точно так же наше уточнение титула должностного лица в формулировке названия закона (не «*de dictatore*», а «*de magistro populi*») не приводит к отрицанию историчности собственно законодательного акта.

Включал ли закон об учреждении диктатуры еще какие-либо определения ее правового статуса? Л. Ланге отвечал на этот вопрос утверди-

³³ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М., 1999. С. 17.

³⁴ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht...* S. 129.

³⁵ *Lange L. Römische Alterthümer...* S. 752; *Becker W.A. Op. cit.* S. 155.

³⁶ *Becker W.A. Op. cit.* S. 155.

³⁷ *Abbot F.F. A history and description of Roman political institutions.* 3 ed. N.Y., 1963. P. 182.

³⁸ Мартынов Г. О начале римской летописи // Ученые записки императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вып. 32. С. 30.

³⁹ *Irmsher J. Op. cit.* S. 274.

тельно, относя к *lex de dictatore creando* все юридические формальности, в рамках которых действовал диктатор⁴⁰. Но такое толкование является умозрительным построением, которое невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Из предлагавшихся Л. Ланге норм, как зафиксированных в данном законе, пожалуй, в первую очередь стоит назвать вполне возможной ту, в которой речь шла об объявлении диктатора через консула (первоначально – претора. – *В.Д.*)⁴¹. Ульрих фон Любтов делал предположение, что по *lex de dictatore creando* устанавливался шестимесячный срок исполнения должности диктатором⁴², что весьма вероятно, но конкретных свидетельств в античной традиции об этом опять-таки нет.

Таким образом, придя к выводу, что существовал особый закон, которым была введена диктатура спустя несколько лет после установления Республики, мы должны признать невозможность реконструкции его конкретного содержания. Что касается его датировки, то, поскольку расхождения в источниках по этому поводу минимальны (колеблются в пределах трех лет, что непринципиально), следует для удобства и простоты воспользоваться оценкой Цицерона как приблизительно десятилетие спустя после появления республиканской ординарной магистратуры.

---

⁴⁰ *Lange L.* Römische Alterthümer... S. 750-752.

⁴¹ *Lange L.* Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen (1855) // *Lange L.* Kleine Schriften aus dem Gebiete der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1. Göttingen, 1887. S. 261.

⁴² *von Lübtow U.* Die Römische... S. 121.

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ: ЛИТЕРАТУРНАЯ АБЕРРАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

I в. до н.э. был временем глобального кризиса Римской республики. Четко обозначилось несоответствие государственного устройства новому положению как по отношению к подчиненным Риму территориям и народам, так и внутри Римской республики. В качестве завоеванных и зависимых от Рима сопредельных государств выступали почти все страны средиземноморского бассейна, а после Союзнической войны население Рима составляло примерно 3 млн. человек. В новых условиях примитивно-коллегиальная форма правления обнаружила свою неэффективность и нецелесообразность. Народное собрание, некогда воплощавшее законодательную власть и исполнительную волю всего римского народа, превратилось в архаичную и окостеневшую структуру, не соответствовало грандиозности политических задач и потеряло всякий смысл. Цицерону пустующий римский Форум казался *«скорее стареющим, чем отдыхающим»* (Cic. Q. Fr. II. 13, 4). Собиравшиеся на Форуме несколько десятков тысяч человек, по большей части люмпенов, не представляли власть римского народа. Они следовали желаниям и воле политических лидеров, поддерживали их честолюбивые планы. Сенат - воплощение римской государственности, римских традиций, основных жизненных принципов и идеалов - оказался своекорыстным, продажным; утратил свой авторитет, на котором прежде держались его власть и влияние, и в конечном счете оказался неспособным нести бремя управления. Потрясающую картину разложения и *«беспомощности государственной власти»*¹ нарисовал Саллюстий (De Cat. coniur. 12. 1-2; 17. 1; 20. 6-8; В. Jug. 16. 1). Исполнительная - магистратская власть уже не рассматривалась как высокая честь, выражение доверия народа и его почетное поручение. Она выступала лишь как ступень, ведущая к обогащению и значимому общественному положению. У современников встречаются постоянные подобные обвинения в адрес римских магистратов (Cic. Ad Att. X. 8, 2). В общественно-политической жизни главной чертой стало лицемерие.

В муках гражданской войны должна была появиться новая система власти, и черты ее вырисовывались уже в эпоху Суллы (82 - 79 гг. до н.э.) - единоличная власть, основанная на военной силе. После отказа Суллы от власти и затем его смерти общая кризисная ситуация усугубилась. Фактом проявления дальнейшего упадка и разложения римского общества стали события 65 - 63 гг. до н.э., которые сохранились в свидетельствах современников как «заговор Катилины». События эти представляются чрезвычайно

---

¹ Здесь и далее перевод данного источника В.О. Горенштейна.

интересными. Во-первых, они отражают состояние римского общества накануне падения Республики; во-вторых, ни одно политическое событие не получило столь подробного и столь однозначного освещения в античной традиции, как выступление Катилины; в-третьих, предоставляется уникальная возможность источниковедческого анализа, поскольку сходные оценки относительно личности и политической деятельности Катилины были высказаны сторонниками различных римских политических группировок и тенденций. Самый ранний рассказ о заговоре Катилины принадлежит современнику и участнику событий, приверженцу олигархической республики, консулу 63 г. до н.э. Цицерону. Правда, общая картина событий в четырех речах Цицерона, направленных против катилинариев, обрисована довольно смутно и неясно, а недостаток фактов часто восполняется патетикой. Наиболее подробное и детализированное описание заговора Катилины оставил критик сенатской олигархии Саллюстий, посвятивший этому событию специальную монографию «*De Catilinae coniuratione*». Позднейшая римская традиция (Плутарх, Аппиан, Дион Кассий) восприняла характеристику и Катилины, и политических событий середины I в. до н.э., данную современниками, не вдаваясь особенно в конкретизацию. Эти позднейшие свидетельства практически ничего не добавляют к имеющимся сведениям; содержат иногда более, иногда менее пространные сведения, иногда более, иногда менее фантастические подробности (*Eutr.* VI, 15). В высшей степени интересно, что между авторами нет принципиальных разногласий в оценках.

Римская историография создала из Катилины миф. Совершенно прозрачный смысл этого мифа заключался в обосновании полнейшей аморальности и антиреспубликанизма Катилины. В изображении современников и в более поздней историографии Катилина - матрица человеческих страстей и пороков, извращенец, губитель Римской республики: *«...некогда навлек на себя обвинение в сожигательстве со своей дочерью и убийстве брата... опасаясь же суда над собою за это дело, он убедил Суллу вписать убитого, как еще живого, в число тех, кто должен был умереть»*; убил своего сына; замучил под пытками Марка Мария Гратидиана; в 73 г. до н.э. соблазнил невестку Цицерона - весталку Фабию, сестру Теренции (*Sal. De Cat. coniur.* 15, 1); привлекался к суду по обвинению в вымогательстве; при подготовке к перевороту в Риме организовал человеческое жертвоприношение и заговорщики приложились к жертвенной крови и вкусили жертвенного мяса (*Sal. De Cat. coniur.* 16, 2-3; 22, 1-4; *Cic. In Cat.* I. 14, 32; II. 4, 5, 7-9; *Plut. Cic.* X; XVI; *App.* II, 2; *Dio Cass.* 30). К числу политических преступлений Катилины относили намерения *«весь мир затопить в крови и истребить в огне... опустошить храмы бессмертных богов... и городские жилища...»* (*Cic. In Cat.* I. 3, 12); во время консульских комиций убить Цицерона и поджечь Рим; не только *«свергнуть существующий строй, но и уничтожить*

всякую власть и произвести полный переворот»; получить *«царскую власть»* (*Sal. De Cat. coniur.* 5, 6; 7, 2; *B. Jug.* 31, 5; *Plut. Cic.* XIV; *Caes.* VII; *App.* II. 2, 3). Таким образом, осуждение Катилины имело моральную, идеологическую, социальную и политическую подоплеку.

При всей полноте сведений и сам Катилина, и события, с ним связанные, выступают чуть ли не самым таинственным явлением римской истории², разгадка которой должна лежать, вероятно, за пределами политических спекуляций сенатской аристократии и «ревностных» сторонников *togum maiorum*. Обвинения, связанные с его личной жизнью и карьерой, по большей части, носят легендарный характер и не подтверждаются современниками (*Sal. De Cat. coniur.* 15, 1, 2). Известно, что судебное разбирательство по поводу вымогательства окончилось оправданием Катилины. Обвинение в кощунственной связи с весталкой также было снято с него. Сведения, касающиеся политического заговора, часто были основаны на слухах и доносах «неких» сомнительных личностей³. Саллюстий либо вынужден был признать, *«что часто слухи опирались не на кем-то собранные сведения, а на что-то другое»; либо делал «глухие» и неопределенные ссылки на то, что «...в этом не сомневался никто...»; что «...в те времена говорили...»; что «...нам (Саллюстию) дело это, несмотря на его важность, кажется недостаточно ясным...»* и т.п. (*Sal. De Cat. coniur.* 14, 7; 15, 2; 21, 1; 22, 30, 2). Даже Цицерон, предлагая «официальную версию» событий, часто не называл ни конкретных цифр, ни конкретных имен, а просто говорил, что «собрал» сведения, «дознался» и т.п. (*Cic. In Cat.* I. 10, 27; II. 22; III. 3; *Ad Att.* I. 14, 5; *Ad fam.* V. 5, 2).

Вероятно, главным для обвинителей Катилины была не реальная картина, а желание создать впечатление воплощенного порока и обезумевшего гедониста, страстно желавшего «царской власти». Однако с этим явно не согласуются действительные факты. Катилина, например, не считал возможным в критический момент искать спасения в бегстве, но погиб, бросившись в гущу врагов; никто из его сторонников не покинул лагерь в решающий момент (*Sal. De Cat. coniur.* 60, 7; *App.* II. 7). Более того, спустя недолгое время после разгрома заговор Катилины начал приобретать в римском обществе романтическую окраску: могила его украшалась цветами, и на ней устраивались заупокойные пиршества. Таким образом, совершенно очевидно, что Катилина - личность, стоявшая особняком в ряду сенатской аристократии во всех положительных и негативных проявлениях. Он, с точки зрения «традиционных моралистов», все делал наоборот и вопреки всем. Он ни о ком кон-

² Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 69-70.

³ Можно принять версию С.Л. Утченко о том, что «первого заговора» Катилины могло вообще не быть (см.: Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. С. 76-77).

кретно не говорил дурного слова, но обрушивал свое негодование на сложившуюся в Республике систему ценностей и отношений.

Образ Катилины - образ саморазрушения, образ трагический. Его нервная организация была субтильной: «...лицо его без кровинки, блуждал его взор, то быстрой, то медленной была походка. Словом, в выражении его лица сквозило безумие» (*Sal. De Cat. coniur.* 15, 5). Его мировоззрение, не совпадавшее ни с традиционными представлениями, ни с существующей реальностью - государственным лицемерием власти, породило буйные социально-политические фантазии. В этом смысле интересно замечание Саллюстия о том, что молодежь, поддержавшая Катилину, «предпочитала неопределенное – определенному, войну – миру» (*Sal. De Cat. coniur.* 17, 6).

Катилина – не просто имя, а состояние римского гражданина периода кризиса Римской республики. Здесь слышится все: и доблесть, и упадок Великого Рима. При знатном происхождении личные качества Катилины должны были открыть ему самые блестящие политические перспективы. Ровесник Цицерона (106 - 43 гг. до н.э.) и Цезаря (100 - 44 гг. до н.э.), старше Октавиана Августа (63 г. до н.э. - 14 г. н.э.) всего на каких-нибудь 40 лет, Катилина родился в знатной патрицианской семье. Его прадедом был Марк Сергий Сил, отличившийся во вторую Пуническую войну, претор 197 г. до н.э. Патрицианский род Сергиев считал своим предком Сергеста - сподвижника Энея (*Verg. Aen. V*, 121). История Катилины - не просто затейливая историческая интрига, обреченная стараниями Саллюстия на массовое прочтение, но пособие по смыслу жизни и политической борьбы. Катилина, как и Цицерон, служил в преторской когорте Гнея Помпея Страбона. Во время сулланской диктатуры он был на стороне диктатора. В 68 г. до н.э. был претором, затем - пропретором провинции Африка. В 66 г. до н.э. домогался консулата - следующей в политической иерархии должности. Однако по требованию консула Луция Волькация Тулла не был допущен к соисканию (*Sal. De Cat. coniur.* 18, 3; *App. II*. 2). Пытаясь восстановить пошатнувшуюся репутацию, Катилина участвовал в политическом заговоре. Следующая попытка добиться консулата на 64 г. до н.э. также не имела успеха. Верховная власть и на этот раз не далась ему в руки. В консульских выборах на 63 г. до н.э. Катилина проиграл Цицерону, хотя тот был из всаднического сословия - *homo novus*, а второй претендент, Гай Антоний, «сам по себе как правитель не был способен ни на очень хорошее, ни на очень дурное, но мог служить придатком к другой, руководящей силе» (*Plut. Cic. XI*)⁴. Катилина, однако, не оставил надежды добиться консулата. Накануне консульских выборов на 62 г. до н.э. он развернул активную политическую борьбу. Ее главным мотивом со стороны Катилины стало недопущение его к должности

---

⁴ Здесь и далее перевод данного источника В. Петуховой.

консула. Ответные действия сената и выразителя сенатских настроений Цицерона выглядели часто как политическая провокация (*Sal. De Cat. coniur.* 35, 1). Не все верили в справедливость обвинений, выдвинутых Цицероном против Катилины (*Cic. In Cat.* II. 3). Сам Цицерон вынужден был признаться перед сенатом, что не смог собрать достаточных сведений ни о численности заговорщиков, ни об их конкретных планах (*Sal. De Cat. coniur.* 29, 1). Тем не менее Катилина был обвинен в насильственных действиях в соответствии с законом трибуна Марка Плавция Сильвана 78 г. до н.э. - *lex Plautia de vi publica* (*Sal. De Cat. coniur.* 31, 4; *Cic. Pro Cel.* 1, 70; *De gar.* 15; *Ad fam.* VIII. 8, 1), а когда он в сенате предложил ряду лиц взять его на поруки в собственном доме - *custodia libera*, встретил отказ. Даже удалившись из Рима, Катилина пытался прояснить свою позицию. Он обратился в сенат с письмом, в котором писал, что **«удалился из Рима, чтобы в государстве наступило успокоение и его борьба не привела к мятежу»**. Однако в сенате было зачитано письмо совершенно иного содержания (*Sal. De Cat. coniur.* 31, 7; 33, 1-5; 34, 2). Марк Красс и Юлий Цезарь обвиняли Цицерона в фальсификации событий и «передергивании» фактов (*Sal. De Cat. coniur.* 48, 9; 51, 10-11). В этом смысле важна позиция Цезаря в вопросе о наказании заговорщиков: Цезарь в своей речи в сенате **«выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян»** (*Plut. Caes.* VII-VIII; *Cic.* XX-XXI. Перевод К. Лампсакова и Г. Стратановского; *Suet. Iul.* 14, 1; 17, 1). Таким образом, существо политической борьбы 62 г. до н.э. заключалось в насильственном отторжении Катилины от государственно-политической деятельности.

Какие основания могли быть у сената, чего боялась сенатская аристократия? Можно выделить несколько причин. Во-первых, Катилина - личность яркая, неординарная на общем фоне сенатской аристократии (*Sal. De Cat. coniur.* 5, 2-3; *Cic. Catil.* I. 26; II. 9; III. 16; *Phil.* XIII. 1). Все без исключения античные авторы признавали знатнейшее происхождение, влияние, предприимчивость и отвагу Катилины (*Sal. De Cat. coniur.* 5, 1-5; *Plut. Cic.* XIV; *App.* II. 2; *Eutr.* VI. 15). Даже Цицерон признавал достоинства Катилины. В речи «В защиту Целия» он отмечал, что **«Катилина обладал, если не выраженными, то все же намеченными признаками величайших доблестей. Общался он со многими бесчестными людьми, а в своей преданности притворялся наилучшим. Его к себе манил разврат, но подчас его увлекали настойчивость и труд. Его обуревали пороки сладострастия, у него также было сильное стремление к воинским подвигам. И я думаю, что на земле никогда не было такого чудовища, сочетавшего в себе столь противоположные и различные и борющиеся друг с другом природные стремления и страсти»** (*Cic. Pro Cel.* 12). Таким образом, Катилина - человек, личные качества которого не укладывались в традиционное римское пред-

ставление о власти и ее носителе. Он был антиподом классически идеального государственного мужа. Консерваторы-сенаторы были по-своему правы: Катилина не боялся противостоять сенату и республиканским традиционным нормам; говорил все, что думал, и делал, что говорил; стиль его мышления отличался от образа мысли окружающих (*Cic. Mur.* 51; *Sall. De Cat. coniur.* 31).

Во-вторых, Катилина, используя свои чрезвычайные вождистские качества (*Sal. De Cat. coniur.* 36, 5), имел слишком значительное влияние, что таило опасность для сената. **«Весь простой народ в своем стремлении к переменам одобрял намерения Катилины... Те, у кого ничего нет, всегда завидуют состоятельным людям, превозносят дурных, ненавидят старый порядок, жаждут нового, недовольные своим положением, добиваются общей перемены, без забот кормятся волнениями и мятежами, так как нищета легко переносится, когда терять нечего»** (*Sal. De Cat. coniur.* 37, 1, 3). Цицерон и Саллюстий, а следом за ним и другие античные авторы указывали на поддержку Катилины не только низшими слоями населения и ветеранами Суллы, но и разорившимися нобилиями, **«большинством знатных юношей»** (*Cic. In Cat.* II. 18-23; *Sal. De Cat. coniur.* 16, 4; 17, 6; *Plut. Cic.* XIV; *App.* II. 2). Были широко известны его связи с влиятельными римскими политиками, которых **«надежды на власть побуждали больше, чем отсутствие средств или какая-нибудь другая нужда»** (*Sal. De Cat. coniur.* 17, 5, 7; 38, 4-5; *Plut. Caes.* VII; *App.* II. 3). Кроме того, Саллюстий, говоря об участниках заговора, подчеркивал, что это были чрезвычайно знатные люди, но исключенные из сената. Известно, однако, что в эпоху гражданских войн такой мерой часто пользовались в политических целях. Саллюстий называет точные имена 11 сенаторов, 4 всадников, выступивших на стороне Катилины, а также отмечает, что среди его сторонников было много влиятельных людей из римских колоний и италийских городов (*Sal. De Cat. coniur.* 17, 2, 7). Катилину поддерживали жители Этрурии, **«которые ввиду нищеты и несправедливостей жаждали переворота»** (*Sal. De Cat. coniur.* 28, 4). Волнения происходили в Галлии, Пиценской области, Бруттии, Апулии (*Sal. De Cat. coniur.* 39, 6; 42, 1). Эта масштабная поддержка самых широких и различных по социальному составу слоев римского населения показывает, что Катилина был для многих вполне приемлемой политической фигурой. Отсюда боязнь сената, отсюда представление о Катилине как ниспровергателе устоев. Катон Младший, выступая перед сенатом с оценкой политической ситуации в Риме, заявил: **«Дело идет не о податях и не о несправедливости по отношению к союзникам; свобода и само существование наше под угрозой»** (*Sal. De Cat. coniur.* 52, 6).

В-третьих, политическая программа Катилины опиралась на **«беспомощность государственной власти»** (*Sal. De Cat. Coniur.* 17, 1), предполагала ограничение власти сената и включение в его состав новых членов из провинциальной знати и даже простых солдат (косвенное упоминание Саллюстия - *Sal. De Cat. coniur.* 37, 6); передачу магистратур и жреческих должностей своим сторонникам (*Sal. De Cat. coniur.* 21, 2); кассацию долгов,

путем сокращения, по-видимому, судебных полномочий сената; предоставление земли городскому плебсу и «проскрипцию состоятельных людей», в том числе и конфискацию их имущества. Катилина пытался привлечь к движению неграждан, что могло означать стремление расширить количественно римское гражданство. Сам Катилина не скрывал отношения к сенатской знати, хотя и допускал, что *«в сенате есть люди, стремящиеся к новым порядкам»* (Plut. Cic. XIV). Однако он считал сенат недееспособным. Интересны его слова, сказанные перед сенатом и о сенате: *«Что же ужасного делаю я, если, имея перед собой два тела, одно истощенное и гибнущее, а другое без головы, но сильное и большое, я сам приставляю к последнему голову»* (Plut. Cic. XIV). Катилина выступил против *«кучки могущественных людей»*, захвативших власть в государстве, лишив всех остальных *«деятельных, честных, знатных и незнатных»* влияния и авторитета; *«все противники сената были готовы к потрясениям в государстве»* (Sal. De Cat. coniur. 20, 7; 37, 10). Выступление Катилины носит главным образом антисенатский характер. Только в этом смысле, на наш взгляд, его можно обвинять в нелояльности к Республике. Это было очевидным и для современников, и для историков императорской эпохи, которые считали, что Катилину побуждали к заговору *«...испорченные нравы гражданской общины, страдавшие от двух наихудших противоположных зол: роскоши и алчности»* (Sal. De Cat. coniur. 5, 8; 14, 1-7; 52, 7; Liv. 34. 4, 1). *«...Всякий отважный человек мог подорвать государственный строй, уже сам по себе нездоровый»* (Plut. Cic. X).

Выступление Катилины было антисенатским и в этом смысле новаторским. Это не могло не вызвать возмущения старой знати, выразившегося во враждебной традиции и открытом терроре. О том, насколько сенат был напуган, говорит тот факт, что против Катилины был применен лишь в четвертый раз в истории Римской республики *senatusconsultum ultimum* (Sal. De Cat. coniur. 29, 2-3). Кроме того, Катон Младший во время заговора Катилины «побудил сенат устроить денежную раздачу для бедняков, и эта уступка успокоила смуту и предотвратила переворот» (Plut. De rer. publ. 24). В римской историографии «заговор Катилины» остался *«наиболее памятным из всех по беспримерности преступления и его опасности для государства»* (Sal. De Cat. coniur. 4, 4; Cic. De off. I. 77).

В современной историографии это событие часто оценивается с диаметрально противоположных позиций. Одни исследователи видят в событиях 65 - 63 гг. до н.э. проявление радикального римского демократизма⁵.

⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 3. 2-е изд. СПб., 1995. С. 114-115, 128-129; Винпер Р.Ю. Очерки истории римской империи. Берлин, 1923. С. 213; Ковалев С.И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 423. Не отрицал демократического настроения катилинариев и С.Л. Утченко. Правда, он признавал за Катилиной «значительную долю политического авантюризма и демагогии», а выступление Катилины считал «типичным движением эпохи кризиса и разложения полисной демократии» (см.:

Другие считают, что Катилина шел по пути Суллы и стремился к захвату единоличной власти, установлению диктатуры⁶. Третьи рассматривают «заговор Катилины» как эпизод в борьбе политических группировок в Риме в эпоху гражданских войн⁷. Четвертые вообще не считают эти события сколько-нибудь «значительным политическим или социальным движением... просто несколько недовольных, озлобленных и разоренных граждан пытались захватить магистратуры, чтобы выжимать прибыли в свою пользу...». В соответствии с подобными представлениями от Катилины не следовало ожидать ни реформ в административной области, ни в деле обороны государства⁸.

На наш взгляд, образ Катилины и его деятельность не допускают однозначной оценки. Заговор Катилины был феноменом аристократическим и по корням, и по идеологии. Вместе с тем он явился фактом раскола римской *nobilitas* и в этом смысле стал важнейшим этапом в развитии монархических тенденций в Риме⁹.

Объективно Катилина выступил против сената и сенатской республики. Сложнее вопрос о субъективных мотивах. Древние подчеркивали, что главное в выступлении - достижение собственных целей. Однако нет абсолютной уверенности, что «общественно-политическая мысль древних римлян» вынесла Катилине отрицательный вердикт. Заговор Катилины и отношение к нему римского общества стали демонстрацией изменившейся к середине I в. до н.э. системы ценностей и ценностных ориентаций в Риме. С одной стороны, объективно это было стихийное выражение протеста против политического засилья сенатской аристократии. С другой - Катилину породила римская действительность. Именно политические реалии эпохи гражданских войн взрастили «опасную иллюзию» и заразили ею римское гражданство: ответственность за состояние дел в государстве может взять на себя лояльный к Республике сильный политический лидер. Из этой идеи был

Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. С. 85-86); Утченко С.Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986. С. 148-149.

⁶ Мишулин А.В. История древнего Рима. М., 1946. С. 109; Машкин А.Н. История древнего Рима. М., 1956. С.287.

⁷ Лившиц Г.М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины. Минск, 1960. С. 81; Boissier J. La conjuration de Catilina. Paris, 1905. P. 209-214; Kornemann E. Romische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart, 1938. С. 561; Stewart R. Catiline and the crisis of 63-60 B. C.: the Italian perspective // Latomus. 1995. Vol. 54 (1). P. 62-78.

⁸ Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 186; Остерман Л. Римская история в лицах. М., 1997. С. 222-230.

⁹ Егоров А.Б. Республиканская знать и становление системы принципата // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья: Сб. ст. Барнаул, 1988. С. 32.

соткан римский воздух. Она получила опору и воплощение в деятельности Суллы. Ее выражением стал и «заговор Катилины». Окончательно до римского сознания эта идея дойдет во время II триумvirата. Катилина выступил катализатором великой ненависти к сенату. Он стал закулисным хозяином положения, держал в страхе сенат. Однако Катилина вовлек Рим в новый кризис. Сам того не осознавая, являя собою знак глубочайшей раскачанности основных римских традиций и ценностей, Катилина еще больше раскачал политическую лодку.

Катилина продемонстрировал противостояние честолюбивой личности одряхлевшим политическим традициям Республики и выступил неизбежным предтечей римского монархизма. Общество было готово к появлению Катилины. Он явился. Но когда это произошло, все шарахнулись. Вот исторический феномен – ужаснуться от олицетворения собственной иллюзии. Казнь сторонников Катилины в Риме произвела на всех ошеломляющее впечатление, особенно на молодежь, *«которой представлялось, что она присутствует при совершении какого-то древнего обряда аристократии»* (Plut. Cic. XXII). Итогом событий стали *«...разные чувства: ликование и скорбь, горе и радость»* (Sal. De Cat. coniur. 61, 9). Символическую картину нарисовал Саллюстий, рассказывая о разгроме катилинариев: *«...Многие солдаты, вышедшие из лагеря осмотреть поле битвы или пограбить, находили... один - друга, другой - гостеприимца или родича, не которые узнавали и своих недругов»* (Sal. De Cat. coniur. 61, 8).

II. Средневековье

О.В. Лощакова

СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ БОЛГАРСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Монастыри являлись формой социальной организации людей на основе общих взглядов, связанных с осуществлением одного из главных христианских идеалов – аскетического, где задача индивидуального спасения соединялась с задачами социально-религиозными¹. Болгарские монастыри, особенно после 886 г., стали центрами культурного и политического развития страны.

Можно выделить две точки зрения на время появления монастырей. Согласно первой, монастырская традиция на территории Болгарского государства к середине IX в. оказалась уничтоженной². Согласно второй, монастыри, как «островки веры», сохранялись в среде язычников³. Последнее предположение более предпочтительно. Оно не только соответствует проявляющейся в целом преемственности жизни на Балканах, но находит подтверждение в источниках. В вопросах болгарского князя, направленных папе Николаю I, идет речь о вдовах, насильственно отправляемых в монастыри. Можно предположить, что число их стало увеличиваться, а деятельность укрепляться после отказа от решительной борьбы с христианством в правление отца Бориса.

Центрами строительства монастырей были, прежде всего, главные города. Первым монастырем, который основал Борис неподалеку от княжеской резиденции, стал монастырь у Большой базилики. Он состоял из нескольких просторных дворов, имеющих собственное предназначение. Севернее главного храма находились две монументальные постройки: резиденция главы церкви и княжеские покои, южнее - училище и скрипторий. Во втором дворе располагались жилые помещения для монахов, трапезная. В третьем – производственные помещения, склады, конюшня. На территории монастыря была Усыпальница, где найдены не только простые гробницы, но и каменные саркофаги с надписями на кириллице и глаголице. На одном из костяков обнаружены остатки роскошной одежды, что позволяет говорить о высоком социальном статусе близких монастырю людей. Среди них могли оказаться и болгары, и греки (на одном из каменных крестов

---

¹ Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 35.

² Цухлев Д. История на българската църква. Т. 1. София, 1911. С. 312.

³ Дуйчев И. Ролята на манастири в българското минало // Пътеки от утрото. Очерци за средновековната българска култура. София, 1985. С. 166-167.

выбита двуязычная надпись - на греческом и староболгарском - «*Почина раб божий Лазар в январь месяц, второй день*»⁴). Монастырь в старой столице был своего рода укрепленной цитаделью, единственной среди подобных ему раскрытых археологами комплексов.

В основу классификации монастырей могут быть положены различные критерии: принцип их подчиненности и статуса⁵, место расположения⁶, комплексный подход⁷. Рассмотренный нами материал позволяет говорить о том, что во второй половине IX в. существовали:

1. Ктиторские монастыри, основанные благодаря частной инициативе. Разновидностью их были боярские обители, устраиваемые в собственных имениях. Позже к этому типу присоединились пришедшие в запустение постройки и земли, даримые центральной властью с целью их восстановления. К концу IX в., когда христианство получило развитие, в болгарских землях начали создаваться монастыри на вклады нескольких ктиторов, в том числе и незнатного происхождения. Иногда они могли возникать спонтанно вокруг келий пустынножителей.

2. Княжеские монастыри (во второй половине IX в. правитель являл собой, прежде всего, не частное лицо, а представителя государства, что позволяет нам говорить об особой группе в предлагаемой классификации), созданные по приказу Бориса и находившиеся под его прямым покровительством.

3. Епархиальные монастыри, зависимые от местных властей – епископов. Примером их являются обители, созданные Климентом и Наумом.

Аскетическая традиция христианства, существовавшая в трех видах: пустыничество, лавра, киновийный монастырь, - была известна в Болгарии. О знакомстве с идеалами отшельников свидетельствует перевод житийной литературы. По заказу «Иоанна, церковного устроителя Болгарии» был выполнен перевод с греческого жития одного из первых египетских отшельников святого Антония (ок. 295 - 373 гг.) и «чуднейшего Петрова ученика Панкратия» Тавроминийского, мученически погибшего на Сицилии. Возможно, в стране существовали и лавры, состоявшие из самостоятельно живших групп отшельников, собиравшихся иногда для совместных служб под руководством настоятеля – «аввы». Наибольший отклик нашел киновийный монастырь – «строганная, централизованная община, члены которой жили вместе в одном здании,

---

⁴ Овчаров Д., Тотев Т., Попов А. Стари български столици. Плиска, Велики Преслав, Търновград. София, С. 22.

⁵ Цухлев Д. Указ. соч. С. 510-517.

⁶ Тулешков Н. Архитектурата на българските манастири. София, 1988. С. 30.

⁷ Киряков Б. Източноправославните български манастири. IX-XIV вв. // Известия на Държавните архиви. 63. София, 1992. С. 10-72.

не имели личной собственности и подчинялись общим правилам молитвы и работы под властью настоятеля»⁸.

Анализ места расположения свидетельствует, что большинство монастырей основывались либо в пределах города, либо вблизи от городских стен или в населенных местах, что показывает приоритетную роль светских властей и церковных иерархов в области монастырского строительства.

Монастырская организация имела собственное управление – архимандритию, которая сосредоточивалась в главном монастыре города.

В основе регулирования церковной жизни лежал Церковный устав, объединявший два больших раздела: литургический и дисциплинарный. Он давал решения по вопросам, касающимся церковной службы, монашеской жизни и общехристианского поведения⁹. Соборно-приходское богослужение совершалось в приходских и сельских однопритчных храмах в воскресные и праздничные дни (в остальное время по возможности). Монастырское богослужение совершается ежедневно¹⁰ и поэтому требует более широкого набора богослужебных книг:

1. Евангелие и Апостол – полный апракос, где представлены чтения на все дни церковного года.

2. Устав, содержащий богослужебную и дисциплинарную части.

3. Минеи служебные – сборники, содержащие особые молитвы и песнопения, сложенные в честь каждого праздника и святого. Соответствуют месяцам года.

4. Триоди постная и цветная. Постная – сборник песнопений и молитв, посвященных прославлению того или иного события из Евангелия, предназначенная для дней, подготовительных к Великому посту, и дней самого Великого поста, называемого иначе Четыредесятницей в память Христа, который постился 40 дней. Общий тон и характер Постной Триоди молитвенно-покаянный. Цветная Триодь предназначена для исполнения в течение Пятидесятницы.

5. Октоих – книга песнопений на восемь голосов - представляет собой сборник отдельных песен, молитв и канонов.

6. Часослов – собрание псалмов и молитв, предназначенных для первого, третьего, шестого и девятого часа (тексты литургии собраны в Служебнике). Предназначался для церковных чтецов и певчих.

---

⁸ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 314.

⁹ Мансветов И. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885.

¹⁰ Булгаков С.В. Православие. М., 1994. С. 154.

7. Четыре сборники ¹¹.

Монастырский тип богослужения, распространившись в X в. у южных славян, мог соответствовать или Иерусалимскому (Палестинскому) уставу Саввы Освященного VI в., который был дополнен в VIII в. Иоанном Дамаскиным, или Студийскому уставу Феодора Студита. Последний не записал свой порядок, он хранился в монастыре, и только в период между серединой IX и X вв. устав был оформлен. Его ранняя редакция датируется концом X - началом XI в. ¹² и принадлежит патриарху Алексию, который собрал и кодифицировал правила, введенные основателем Студийской обители ¹³. Первоначально это были уставы отдельных обителей, но затем они вошли в общее церковное употребление. Первый преимущественно употреблялся в Церквях Иерусалимской, Антиохийской и Александрийской. Второй нашел распространение в Константинопольской патриархии. Хотя эти уставы сосуществовали и взаимодействовали, между ними наблюдается значительная разница ¹⁴. Какой Устав (или оба сразу) действовали в Болгарии во второй половине IX - начале X в., пока сказать невозможно, тем более что «что монастыри были не обязаны следовать известному типу устава... и церкви... в одной и той же области в одно и то же время могли иметь разные уставы и существовать разные порядки службы» ¹⁵. Единственным ориентиром в решении поставленного вопроса пока является свидетельство Пространного Жития Кирилла, который научил *мораван «утренници, часовомъ вечерни, навечерници и тайной службе»*, вводя порядок Студийского Устава ¹⁶. Можно предположить, что полного славянского перевода Церковного Устава даже в начале X в. не было. «Если скажет кто, что дело Кирилла несовершенно, ибо и поныне еще не завершено», – отмечал Черноризец Храбр, как бы показывая, что работа по переводу продолжается. Болгары удовлетворялись лишь существенно необходимым в виде прибавления к другим богослужебным книгам.

¹¹ Круглый стол: 1000-летие христианизации Руси // Советское славяноведение. 1988. № 6. С. 40-41.

¹² Виноградов В.Н. Уставные чтения. Вып. 1. Уставная регламентация чтений в греческой церкви. Сергиев-Посад, 1914. С. 19-30.

¹³ Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 283.

¹⁴ Леонид арх. О славянских переводах церковного богослужебного устава // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1867. № 2. С. 1.

¹⁵ Мансветов И. Указ.соч. С. 129.

¹⁶ Н. Драгова считала, что на подготовительном этапе Климент ввел монашеский устав Феодора Студита, внесенный архиепископом Мефодием в первый славянский Номоканон 882 года (см.: Драгова Н. Славянската църква на св. Кирил и Методий и нейните Балкански традиции // 1100 години от блажената кончина на св. Методий. Международен симпозиум. София, 1989. С. 52).

Тремя главными условиями пострига были: безбрачие, отсутствие имущества, послушание. Устав предполагал сосредоточение власти в руках игумена, который выбирался пожизненно.

Ко времени второго патриаршества Фотия (878 - 886 гг.) относят письмо главы византийской церкви к монаху-исихасту Арсению, написанное после того, как к нему были отправлены болгары, которые хотели стать монахами¹⁷. Таким образом, создание монашества стало делом государственной важности¹⁸. На первый взгляд, покровительство монастырям объясняется тем, что сам Борис увлекся мистицизмом византийского монашества, подготовил духовного руководителя Болгарии - своего сына Симеона, ступившего в молодости на стезю монаха. По примеру князя монашество приняли его брат Докс и племянник Тудор; возможно, что к монастырской жизни имела прямое отношение его дочь Анна. Известно, что особой любовью к уединению и жизни в молитве отличался внук Бориса Петр.

Первые болгарские монастыри пополнялись болгарскими – представителями феодальной аристократии и простыми верующими¹⁹. В. Гюзелев отмечал особенности ухода в монастыри (по сравнению с Западной Европой и Византией): «Наши монастыри стали центрами книжных занятий для тех, кто получил наследственное право руководить и распоряжаться государством и народом»²⁰. В этом отношении показательно замечание Пространного Жития Климента: *«И все люди княжеского окружения, кто хоть сколько-то выделялся на фоне остальных благородством происхождения или размерами богатства, приходили к святым (ученикам Мефодия, прибывшим в Болгарию. – О.Л.)»*²¹.

Высокий социальный статус обитателей прежде всего столичных монастырей подтверждается прекрасными (для своего времени) бытовыми условиями. Многие из них имели бани, отдельные резиденции для настоятелей, отапливаемые кельи. Возможно, еще при жизни, монахи-боляре создавали для себя отдельные крипты, заботясь о пребывании в мире ином. Уход в монастырь был не бегством от грехов мира сего, а желанием духовного творчества, к которому подвигала сама природа. Монастыри создавались в местах, способных про-

¹⁷ Извори за българската история. VIII. Гръцки извори. IV. София, 1961. С. 103.

¹⁸ Археологические и письменные источники неоспоримо свидетельствуют, что монастыри в Болгарии появились сразу после принятия христианства. В связи с этим представляется странным замечание Д. Оболенского о «первых обителях, основанных в этой стране, примерно в 900 г.» (см.: Оболенский Д. Указ.соч. С. 315).

¹⁹ Гюзелев В. Князь Борис Първи. България през втората половина на IX в. София, 1969. С. 437.

²⁰ Там же. С. 452-453.

²¹ *Феофилакт Охридский. Пространное Житие Климента // Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирило-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия / Пер. С.А. Иванова. СПб., 2000. С. 194.*

известить впечатление на чувствительную душу, что было нацелено на компенсацию мирских радостей и выказывало «чуткость к природной красоте». Действительно, монастыри функционировали как центры письменности, о чем свидетельствуют многочисленные находки писала – инструментов, предназначенных главным образом для записей на покрытой воском дощечке. Восемнадцать из них, датируемые IX - X веками, происходят из Плиски и Преслава²². В большинстве случаев они изготовлялись из железа, но выделяются несколько экземпляров, выполненных из бронзы. Одно – посеребренное, украшенное на лопатке линиями. Вероятнее всего, разница в украшении и материале изготовления инструментов была обусловлена статусом их владельцев в монастырях.

Найденные надгробные надписи, факты реконструкции болярских имений в монастыри подтверждают первую часть выводов болгарского исследователя. Но причины ухода в монастыри знатных людей, так же как поступка Бориса, на самом деле должны лежать в более приземленной области. Здесь проявлялось стремление аристократии занять место в среде высшего духовенства, дорога в ряды которого лежала через монастырь. Он являлся как бы средством адаптации к новым условиям, гарантией того, что руководящая роль прежних языческих нобилей не будет потеряна, и они заполнят тот вакуум духовной (а значит, и политической) власти, который находился под угрозой вторжения греческого элемента. Конечно, надо учитывать и роль личностного фактора, усиливающегося по мере адаптации христианства. На русском примере хорошо известны факты ухода князей и членов их дома перед смертью в монастырь. Монашество готовило бывших правителей к иной жизни, смывая грехи.

Отмечая силу притяжения монастырей и их воздействие на средневековое общество, Ж. Ле Гофф писал: «...именно монастыри медленно внедряли христианские ценности в сельском обществе. В том мире постоянства и устойчивых традиций, который доселе был менее всего затронут новой религией и которому суждено было сыграть столь важную роль в средневековой жизни»²³. Особенность болгарских монастырей, как мы видим, заключалась в том, что они возникали, прежде всего, либо в городах, либо возле городских центров. Им отводилась первоначально не та функция, о которой пишет французский историк. Киновийная обитель Болгарии второй половины IX в. возводилась не отшельниками-созерцателями, стремившимися достичь аскезы, а культурными и политическими лидерами, превращавшими монастырь в место тесного сотрудничества между церковью и государством.

Обеспечение церковной организации было налажено и благодаря хорошо развитому монастырскому хозяйству. При раскопках монастыря в Черешето обнаружено 9 монастырских помещений – склады, хозяйственные постройки: сыроварня, мельница, помещения для приготовления вина, для за-

---

²² Георгиев П. Старобългарски писала от Плиска и Преслав // Археология. 1980. № 3. С. 43-50.

²³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 112.

готовки овощей, для приготовления пищи и больница для содержания провинившихся монахов²⁴. Аналогичные сооружения, а также водная шахта и керамические печи для изготовления рисованной керамики входили в монастырский комплекс в Патлейне²⁵. Не составляет исключения и комплекс монастыря в местности Волкашина²⁶.

Особый интерес представляют результаты раскопок монастыря при Большой базилике в Плиске. Кроме церкви и мощехранилища здесь обнаружены хозяйственные и производственные постройки. Последние располагались в основном на первом этаже, второй – составляли монашеские кельи. Большое количество железных предметов и шлаков в западном корпусе свидетельствует о существовавшем здесь железоделательном производстве (считаем, что это могло произойти после того, как комплекс потерял значение архиепископской резиденции после 893 г.). Следы производства, связанные с обработкой железа и цветных металлов, найдены и в помещениях восточной части северного корпуса. В конце IX - начале XI в. здесь действовала одна большая или несколько мелких железоделательных мастерских. Монахи изготавливали орудия труда, мелкие металлические предметы культа²⁷.

В центре второго монастырского двора располагалась большая двухкамерная печь (аналогичная печам Херсонеса), применяемая для изготовления рисованной керамики. Для удовлетворения бытовых нужд в посуде монахи использовали маленькую печь для производства кухонной керамики.

В западном корпусе второго монастырского двора обнаружена производственная площадка для изготовления вина. Подобные сооружения засвидетельствованы рядом с дворцом в Плиске, в монастыре Патлейна, на Мадарской вилле. Комплекс состоял из наклонной площадки для давления с помощью пресса винограда и резервуара для собирания сока. Многочисленные фрагменты глиняных сосудов и амфор свидетельствуют о хранении вина.

В границах монастыря найдена железная гирька, которая косвенно подтверждает возможность существования торговых отношений, хотя она могла использоваться и в повседневной жизни для определения веса производимых изделий и продуктов.

Монастырь в Тузлалока являлся центром по производству рисованной керамики. Примерно в 200 - 300 метрах юго-западнее монастыря находились залежи высококачественной белой глины, использовавшейся для производства керамики. Найденные здесь украшенные костяные предметы, костяные палочки с изящной гравировкой и рельефной резьбой, набор костерезных инструментов свидетельствуют о занятии костерезным ремеслом в монасты-

²⁴ Мавродинов Н. Старобългарското изкуство. София, 1959. С. 148.

²⁵ Мавродинов Н. Указ. соч. С. 170; Овчаров Д., Тотев Т., Попов А. Указ. соч. С. 86.

²⁶ Мавродинов Н. Указ. соч. С. 170.

²⁷ Витлянов С. За стопански облик на манастиря при Голямата базилика в Плиска // Археология. 1984. № 2-3. С. 97.

ре²⁸. Материалом для производства служили кости как домашних, так и диких животных, например оленя. В одном из помещений находился большой медный котел, где размягчали сырье, используемое в производстве. Наряду с костью обрабатывали и дерево. Отливали металлические кресты. На территории монастыря были найдены инструменты для занятия ювелирным ремеслом²⁹.

Верхние этажи монастырских зданий были приспособлены в основном для проживания, в нижних – располагались склады, производственные и хозяйственные постройки. Удобства жизни монастыря предусматривались заранее. Одна из больших печей, обнаруженных на нижнем этаже, могла использоваться как отопительная для верхнего жилого помещения. На территории монастыря был вырыт канал, по которому вода спускалась с террасы, обеспечивая сухость земли³⁰.

Рядом с трапезной находилась печь для выпечки хлеба. Среди остатков кухонной посуды найдены осколки великолепного блюда, предназначенного для игумена или высокопоставленных гостей монастыря. Кухонную посуду изготавливали самостоятельно, о чем свидетельствует печь для обжига керамики и гончарные круги в одном из помещений.

Кости овцы, козы, коровы, зайца, птицы, рыб, ракушки мидий позволяют говорить и о занятии монахов разведением скота, рыболовстве и охоте как подсобных промыслов, и их пищевом рационе.

Монастырский комплекс Тузлалока включал в себя изолированный двор, ограниченный с одной стороны монастырской стеной, а с другой - хозяйственным корпусом. Здесь найдены железные оковки для деревянных лопат, серп. Вероятно, край двора обрабатывался, но небольшие его размеры показывают, что сельскохозяйственный труд использовался лишь как средство обеспечения монастырского стола. Главное место в монастыре отводилось занятию ремеслом³¹.

Все вышеотмеченное позволяет констатировать, что монастырь в Болгарии выступал в период раннего средневековья как хозяйственная единица, своеобразное автаркичное хозяйство, самостоятельно обеспечивающее свои нужды. Монахи занимались земледелием, виноградарством, виноделием, выпекали хлеб, разводили ослов, ухаживали за больными, занимались торговлей и ремеслом³². Физический труд был одним из основных занятий монахов и низшего клира после богослужения.

²⁸ Тотев Т. Археология. 1976. № 1. С. 9.

²⁹ Тотев Т. Манастирът в «Тузлалъка» - център на рисуване керамики в Преслав през IX - X в. София, 1982. С. 30-35.

³⁰ Там же. С. 42-43.

³¹ Там же. С. 44.

³² Витлянов С. Указ. соч. С. 95.

ЭЛЕМЕНТЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОРНАМЕНТАЦИИ КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ КОНЦА X – НАЧАЛА XIV в.

Одной из важных характеристик при описании сосуда является его орнаментация. Технологический аспект этой характеристики сводится к учету количества, расположения и техники нанесения основных элементов орнамента¹ на различных частях сосуда. Рассмотрим это на примере орнаментации круговой керамики поселений центра Ростово-Суздальской земли (РСЗ) конца X - XIII в., которая была довольно разнообразной. Для украшения сосудов использовались: I - различные штампы, которые вырезались из кости, дерева или наносились на специальное колесико; II - палочки с заточенными по-разному концами; III - специальные ножи; IV - специальные гребни из дерева или кости; V - орнаментация ногтем.

Исходя из этого были выделены следующие технологические приемы (ТП) нанесения орнамента: 1 - прочерчивание ножом; 2 - прочерчивание палочкой; 3 - прочерчивание гребнем; 4 - вдавления палочкой, имеющей тупой конец; 5 - вдавления заостренной палочкой; 6 - ноготь; 7 - накол; 8 - гребенчатый штамп; 9 - фигурный штамп; 10 - прокат колесиком (зубчатый штамп).

В ходе обработки керамического материала поселений исследуемого региона было зафиксировано более 40 элементов орнамента (табл. 1). При помощи ТП 1 и 2 на сосуд наносились линии, волны, зигзаги, нарезы. ТП 3 использовался для украшения сосудов различного вида многорядами (линейным, волнистым, зигзагообразным). ТП 4 и 5 применялись для нанесения на сосуд вдавлений различной формы и частично точечного орнамента. Интересно, что ногтевой орнамент мог наноситься на сосуд как при помощи ТП 6, так и при помощи ТП 5. Накол (ТП 7) применялся тогда, когда на сосуд хотели нанести ряд вдавлений, идущих наискосок сверху вниз (точечный пунктир). Гончары украшали сосуды также оттисками одинарных штампов: гребенчатого (ТП 8), фигурного (ТП 9), - и зубчатого штампа (ТП 10), который прокатывался по поверхности горшка.

По элементам орнамента и по технике нанесения орнамента на посуду проведено сравнение керамики поселений Центра РСЗ. В результате получены следующие данные:

1.1. Сравнение по элементам орнамента.

Выделено три группы поселений, различающихся по данному параметру (табл. 2, 3):

---

¹ Элемент орнамента - сходные по форме вдавления, нанесенные на поверхность сосуда с помощью одного технологического приема.

– Владимир, городище Семьинское, Юрьев-Польской. Декорировка посуды данных памятников не отличается разнообразием: доминирует узор линиями. Все остальные элементы узора встречаются довольно редко.

– Ростов, селище Весь. Керамика данных поселений также украшена в основном линиями, но, кроме этого, отмечены и многоряды.

– Ярославль, Углич, Введенское, Усть-Шексна, селища Угличского ополья. Стоит выделить две особенности в орнаментации этих поселений: во-первых, здесь помимо линий распространен узор волнами; во-вторых, для каждого памятника четко можно выявить характерные только для него элементы узора (этим и объясняется слабая корреляционная связь между поселениями данной группы): так, в Ярославле это лунковидные вдавления, в Угличе и на прилегающих к нему селищах – прямоугольный штамп, на Введенском – семечковидные вдавления и на Усть-Шексне – точечный орнамент, нарезки и различные вдавления. Возможно, здесь прослеживается связь с северными и северо-западными поселениями: Белоозером², Новгородом³, Псковом⁴, где данные элементы орнамента также были распространены.

Таким образом, при сравнении керамического материала по данному параметру более заметны региональные различия. Четко выделяются две территории - Владимиро-Суздальский регион и Поволжье. Интересна связь Ростов-Весь. В какой-то степени эту зависимость можно объяснить наличием достаточно большой доли ранней древнерусской круговой керамики в коллекции Ростова, для которой характерна была орнаментация многорядами. В целом же данная группа поселений более тяготеет к первой, чем ко второй группе памятников Центра РСЗ.

1.2. Сравнение по технике нанесения орнамента.

При украшении керамики поселений использовались в основном следующие ТП (табл. 4): прочерчивание ножом, палочкой, гребенкой, вдавления заостренной и тупой палочками, накол, гребенчатый и зубчатый штампы. Причем первые три ТП были наиболее распространены. Нехарактерной для памятников Центра РСЗ была орнаментация ногтем и фигурным штампом. В результате анализа керамического материала по данному параметру (табл. 5) выделено три группы поселений:

– городище Семьинское, селище «Гора Святой Марии». Керамика этих поселений в целом украшена лишь с помощью первых двух ТП;

² Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X - XIII вв. М., 1973. С. 147. Рис. 53.

³ Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951-54 гг.). // МИА. 1956. № 55. С. 242. Рис. 6.

⁴ Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 7. Рис. 4.

– Ростов, Владимир, Юрьев-Польской, селища Введенское и Весь. Здесь первые три ТП декорировки керамики (прочерчивание ножом, палочкой и гребенкой) явно преобладают над остальными ТП. Хотя внутри этой группы можно выделить и подгруппы: а) селища Введенское и Весь, где наиболее распространены были первый и третий ТП, но, кроме этого, выделялись и другие приемы орнаментации: на Введенском - вдавления заостренной палочкой, на Веси - гребенчатый штамп; б) города Ростов, Владимир и Юрьев-Польской, где доминировали первые два ТП и больше никаких особенностей в нанесении узора на посуду, кроме прочерчивания, не выявлено;

– Ярославль, Углич, Усть-Шексна, селища Угличского ополья. В орнаментации этих памятников, кроме прочерчиваний, достаточно четко выделяются и другие ТП: в Ярославле – вдавления заостренной палочкой, в Угличе - зубчатый штамп, на прилегающих к нему селищах - зубчатый и гребенчатый штампы и на Усть-Шексне - накол и вдавления заостренной палочкой.

Итак, анализ керамического материала по данному параметру не выявил четких территориальных разграничений поселений, отмеченных при сравнении керамики по элементам орнаментации. Очевидно, это связано с гораздо меньшей вариативностью ТП (так, только с помощью ножа можно нанести на посуду и линии, и волны, и нарезки; с помощью заостренной палочки – несколько видов вдавлений и т.д.). Однако в данном случае можно довольно ясно выделить особенности сельской и городской керамики:

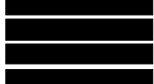

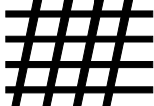

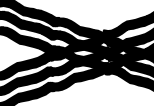

1) круговая посуда городов украшалась преимущественно путем прочерчивания узора ножом и в значительно меньшей степени палочкой. Орнаментация гребенкой была распространена лишь до второй половины XII - начала XIII вв. Остальные ТП нанесения орнамента встречались за небольшими исключениями (Ярославль) довольно редко;

2) керамика селищ орнаментировалась более разнообразно. Здесь наряду с первыми тремя ТП, наносившимися на посуду примерно в равных пропорциях (лишь ко второй половине XIII в. доля сосудов, украшенных с помощью прочерчивания гребенкой, начинает заметно убывать), были распространены и другие приемы орнаментации.

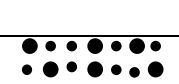
Несколько выделяется на общем фоне группа Семьинское – «Гора Святой Марии». Использование всего двух ТП при украшении посуды этих поселений можно объяснить довольно поздним временем их существования и, соответственно, высокой долей в их коллекциях ранней красноглиняной керамики, которая в связи с начавшимся процессом унификации посуды украшалась уже достаточно просто.

Таблица 1

Элементы орнамента на круговой керамике поселений центра РСЗ

Шифр	Рисунок	Название
1.1.- 1.4.		Линии толщиной 0.5 мм толщиной 1.0 мм толщиной 3.0 мм толщиной 5.0 мм
1.5		Линейный многоряд сплошной толщиной 2.0 мм
1.6		Линейный многоряд сплошной толщиной 4 - 5 мм
1.7		Линейный многоряд раздельный толщиной 1 - 2 мм
1.8		Решетка толщиной 1 - 2 мм
2.1		Волна плавная толщиной 1 - 2 мм
2.2		Волна крутая толщиной 1 - 2 мм
2.3		Волна классическая толщиной 1 - 2 мм
2.4		Волна толстая 4 - 5 мм
2.5		Волна ребристая 1 - 2 мм
2.6		Волнистый многоряд перекрестный 1 - 2 мм
2.7		Волнистый многоряд плавный 1 - 2 мм
2.8		Волнистый многоряд ребристый 1 - 2 мм
3.1		Зигзаг 1 - 3 мм

Шифр	Рисунок	Название
3.2		Зигзагообразный многоряд 1 - 2 мм
4.1		Точки (пунктир)
4.2		Точки (одноряд)
4.3		Точки хаотичные
5.1		Ногтевой орнамент
6.1		Нарезы длинные
6.2		Нарезы елочные
6.3		Нарезы пунктирные
7.1		Вдавления лунковидные
7.2		Вдавления семечковидные
7.3		Вдавления геометрические
7.4		Вдавления аморфные
7.5		Вдавления прямоугольные
7.8		Вдавления ямочные
8.1		Штамп волнистый
8.2		Штамп мозаичный
8.3		Штамп точечный

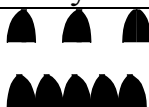

8.4		Штамп зигзагообразный
Шифр	Рисунок	Название
8.5		Штамп арочный
8.6		Штамп прямоугольный
8.7		Штамп треугольный
8.8		Штамп треугольный двурядный
8.9		Штамп вилочный
8.10		Штамп зубчатый
8.11		Штамп треугольный гроздевой
8.12		Штамп гребенчатый

Таблица 2

**Элементы орнамента круговой посуды поселений Центра РСЗ
конца X - начала XIV в. (более 1%)**

Поселение	Линии	Волны	Лин. мнг.	Волн. мнг.	Точки	Нарезы	Вдав- лен.	Штамп
Ростов	47	3.5	6	1.5				
Ярославль	16	7	3.5	3.5			9.5	1.5
Владимир	54.5	6	1				3	
Семьинское	46	4						
Юрьев-Поль- ской	39		4					
Углич	10	19		6.5				6.5
Усть-Шексна	14.5	8		5.5	3	2	3	1.5
Введенское	9.5	21	6.5	9			8	1.5
Селища Углич. ополья	38.5	3	1.5	6				13.5
Весь	36.5		21	2.5				1
Св.-Мария	41	19						

Таблица 3

**Корреляция по элементам орнамента круговой посуды поселений
Центра РСЗ конца X - начала XIV вв.**

	Ярославль	Владимир	Семьин- ское	Юрьев- Польской	Углич	Усть- Шексна	Введен- ское	Селища Углич. ополья	Весь	Св.-Мария
Ростов	15	34	12	23	13	17	16	24	36	35
Ярославль		14	6	13	12	13	14	12	18	7
Владимир			43	39	14	17	10	20	41	23
Семьинское				28	8	9	8	6	21	5
Юрьев- Польской					9	10	6	13	38	13
Углич						23	28	23	12	14
Усть-Шексна							20	19	15	13
Введенское								18	14	15
Селища Углич. ополья									26	13
Весь										16

Таблица 4

**Технологические приемы нанесения орнамента на круговую посуду
поселений Центра РСЗ конца X - начала XIV в. (более 1%)**

Поселение	нож	палочка	гребен- ка	вдавлен.	ноготь	накол	гребенч. штамп	фигур штамп	зубчат. штамп
Ростов	29.5	26	9						
Ярославль	20	8	8	10					2
Владимир	56	17	2.5						
Семьинское	51	3							
Юрьев- Польской	35	4	9						
Углич	26	3	10						6.5
Усть-Шексна	20	7	6	1.5		1.5			
Введенское	27	13	18.5	7.5					
Селища Углич. ополья	6	46	9				3		11
Весь	29.5	20	28				1		
Св.-Мария	56	4							

ОБЛИК ФРАНЦУЗСКОГО ГОРОДА XVI в.

Облик французского города XVI в. неразрывно связан с состоянием его социокультурного пространства, которое формируется и отражает противоречия и конфликты эпохи Ренессанса, Реформации, Контрреформации, внутренних религиозных и внешних итальянских войн, абсолютизма и католического Возрождения.

Проблема сохранения самобытности исторической провинции, баляжа, сенешальства, города – одна из самых значительных (как и проблема веротерпимости) – запечатлелась в памятниках своего времени. Из проблемы сохранения автономии города рождался интерес к прошлому, истории других стран и народов. Осмысление жизни других народов, иных культурных и религиозных традиций могло бы послужить основой для разрешения и исчерпания конфликтов на собственной почве Франции. Противостояние центра и регионов, осложненное вероисповедными распрями католиков и протестантов, отразилось в историографии XVI в.: создаются масштабные полотна истории Франции и ее королей, и одновременно подробнейшие истории городов и провинций¹. Бретонский литератор и бытописатель Ноэль дю Файль, протестант, а затем католик, принадлежавший к городской элите Ренна, дает идиллическое видение прошлого и под воздействием атмосферы религиозно-политической борьбы пишет о негативных сторонах городской жизни и преимуществах деревенского бытия. Он выражает неприятие городской жизни с ее особым укладом, психологией, законами и нравами².

---

¹ Например, «История Бретани» Бертрана д'Аржантре, сенешала города Ренна в 1547 - 1582 гг. Как знаток бретонского права, д'Аржантре участвовал в начатой в 1580 г. реформе кутюмы Бретани, он изложил практические рекомендации в труде «Этиология» по поводу указов о бретонском праве и тем самым способствовал его сохранению в новом правовом пространстве государства. Он интересовался также историей своей провинции. По поручению Штатов Бретани составил «Историю Бретани» в 1582 г. Это сочинение, с трудом опубликованное, было расценено как посягательство на права и честь короны. Генеральный прокурор Парижского Парламента возбудил иск. Официальный историограф Франции Никола Винье получил распоряжение опровергнуть положения бретонского историка. Новое издание «Истории Бретани» в 1588 г. сопровождалось посвящением королю Генриху III и уверениями в преданности, однако автор упорно восхвалял средневековое прошлое независимого герцогства Бретань (Histoire de Rennes / Sous la dir. de J. Meyer. Toulouse, 1984. P. 163).

² В сочинении «Шутки и рассказы Этрапеля» (Ренн, 1585) дю Файль пишет: «...города, конечно, имеют некую красоту в нашей Франции, но никакого комфорта для людей за исключением судейских, купцов и ремесленников; можно говорить и утверждать горючо, когда увидишь дворянина в городе, куда он приглашен или вызван в суд как проситель или ответчик, дабы оплатить или покончить с долгом, или занять деньги под огромные проценты, или чтобы подраться, а затем ударить палкой или шпагой в

Восприятие городской атмосферы как противостоящей деревенско-природному мировосприятию, деревенскому образу жизни, не стесненному и не ограниченному пространством, стенами, и противостоящей местному сеньору, либо королю – характерно для классической историографии конца XVIII - XIX в. В исследованиях, опирающихся на городское право XI - XIII вв., был создан малопривлекательный образ города, лишённого элементарной комфортности, с диспропорциональной планировкой и застройкой территории, окруженной крепостными стенами, валом, рвом. Именно таковым этот образ остается и в дальнейшем. Ему противопоставляется недостижимый идеальный образ города с гармоничными социальными, материальными, бытовыми структурами, созданный гуманистами-интеллектуалами.

В отличие от утопических построений гуманистической элиты современники оставили свидетельства о собственных впечатлениях, произведенных посещением французских городов XVI в. Эти впечатления зафиксированы в письмах, отчетах, сообщениях, донесениях как французов, так и иностранцев. По ним можно определить те черты города и городской жизни, которые представлялись наиболее значимыми и ценными для современника, правда занимающего определенное положение в обществе и государстве, имеющего жизненный опыт, широту кругозора для проведения сравнений. В этом отношении ценны донесения венецианских послов из Франции преимущественно за первую половину – середину XVI в. Внимательные и тонкие аналитики, венецианцы воспринимают французскую действительность с учетом проблем своего города и городов других регионов Средиземноморья (Италии, Испании) и создают впечатляющую картину жизнеобеспечения и жизнеспособности городов, а значит, и всего королевства.

Судя по донесениям венецианцев, во Франции насчитывается несколько десятков городов, на протяжении первой половины XVI в. вплоть до начала гугенотских войн их число остается стабильным - порядка 100³. Выстраивая собственную типологию городов, они не выделяют региона, имеющего наибольшее число городов. К главным и наиболее значительным относят Лион,

---

стенах города какого-нибудь малого и грубого мужлана из городских, который хотел бы ему надерзить: после чего дворянина тащат и кормят в тюрьме» (Histoire de Rennes. P. 169).

³ Relations des ambassadeurs venitiens sur les affaires de France au XVIes. Recueillis et traduites Par M.N. Tommaseo. T. 1. Paris, 1838. В 1546 г. «Франция не испытывает недостатка, как можно полагать, в больших городах, селениях и замках, хорошо населенных». В 1554 г. «Его наихристианнейшее Величество имеет в своем королевстве 100 городов, среди которых Лион, Руан, Орлеан и Париж рассматриваются как главные». Ранее, в 1546 г., среди них упоминался Бордо (P. 261, 367). В 1561 г. во Франции насчитывается 140 городов вместе с епископствами, затем бесконечное число замков и селений (Т. 1. P. 483). В 1577 г. Франция «изобилует большими городами, большинство которых расположено по берегам рек или на (морском. - О.Т.) побережье». Насчитывается до 150 епископств. (Т. 2. P. 487).

Руан, Париж, Орлеан, иногда Бордо и Тулузу, они характеризуются: большой, многонаселенный, укрепленный или неукрепленный. Венецианцы с их высоко развитым чувством эстетики обязательно подчеркивают – красивый или довольно красивый. Подчас города не только красивы, но и величественны.

Четкая иерархия городов не определена, за исключением четырех-шести главных, статус второго по значимости города подвижен: в 1535 г. Руан (Нормандия), ранее, в 1528 г., Орлеан (*«большой и красивый город, очень многолюдный; после Парижа, может быть, первый город Франции»*)⁴. Моделью для сравнения французских городов служит Венеция. В 1528 г. *«Париж – город очень большой, очень красивый, очень богатый, многонаселенный; единственный, на мой взгляд, который можно сравнить с Венецией»*⁵. В другом случае в 1535 г. ревниво замечено: *«Париж – большой и богатый город, активно торгующий, очень многолюдный и расположенный в очень удобном месте... Богатство Парижа, хотя и очень замечательно, не равно богатству Венеции; и даже я осмелился бы сказать, что его население, высокохвалимое, не столь большое»*⁶. Иногда венецианцы разочарованно пишут (1554 г.): *«Париж менее велик, чем я предполагал сначала»*⁷.

Богатство – один из основополагающих критериев, поэтому его возможные источники (естественно-природные и создаваемые человеком) обязательно анализируются в донесениях венецианцев: природа, климат, география, рельеф, качество почв, полезные ископаемые, леса, водные ресурсы, морские и сухопутные коммуникации. Например, вблизи Бордо *«сельская местность очень плодородна: зерновых произрастает немного, но виноградники там великолепны и дают превосходное вино. Им торгуют с Англией, Фландрией и другими (странами): это самый доходный продукт края»*⁸. Отмечается возможность приращения этих богатств путем перепродажи, организации новых видов производств, сделок с капиталом, ввоза драгоценных металлов. Одновременно они сетуют, что Венеция слабо представлена на рынке Франции в отличие от других итальянских городов (Генуя, Флоренция) и стран Европы (Испания, Португалия, Англия, Фландрия, Германия). В 1546 г. из Венеции поступало товаров (стекло, сукно, бижутерия, шелковые ткани) на 60 тыс. экю в год. *«Но если следовать примеру наших соседей, можно достичь 1 млн. золотых экю, а может быть, и более; так как во Франции используется гораздо большее количество высококачественного сукна и шелка, больше, чем в Константинополе и почти во всем Леванте»* (Т. 1. Р. 257). Франция с ее большим городским населением охотно приобретает недорогое, правда, и недолговечное сукно, производимое в Генуе и Тоскане. По инициативе Екатерины Медичи организуется производство шелка, в котором занято до 8 тыс.

⁴ Relations des ambassadeurs venitiens sur les affaires de France au XVI s... Т. 1. Р. 29.

⁵ Ibid. Р. 31.

⁶ Ibid. Р. 43.

⁷ Ibid. Р. 367.

⁸ Ibid. Р. 21.

ремесленников. *«Многие венецианские фабриканты поселились в городе Туре со своими семьями, а еще генуэзцы в большом числе, затем луккцы, не считая самих французов, которые узнали секрет мастерства (шелкоделия. – О.Т.). Они успешно развивают производство, а мы, природа которым благоприятствует, мы (венецианцы) позволяем иностранцам извлекать выгоду из того, что мы должны были бы получать»* (Там же. Р. 259).

Венецианцев поражает изобилие продуктов питания во Франции. *«...продукты превосходного качества и в таком изобилии, что достаточно и для Франции и даже других наций. Что касается хлеба, то французы отправляют его в Испанию, Португалию, Англию, иногда даже в Швейцарию и Геную, если, однако, война не изменяет обстоятельств. Хотя французы очень любят вино, но у них его хватает и для англичан, шотландцев и фламандцев, для Люксембурга, Лотарингии и Швейцарии. Ежегодно получают от его продажи 1,5 млн. экю и продают дороже, чем вина Испании и Кипра. Оно менее крепкое, но более тонкое (по вкусу). Помимо этого, имеется в большом количестве соль, всякие сорта мяса, рыба свежая и соленая в изобилии, ее вывозят даже в соседние страны»* (Т. 1. Р. 255). Ранее, в 1528 г., отмечалось, что в районе Байонны производится сидр в значительном количестве, изобилует рыба речная и морская, среди разных видов рыбы *«очень хороши и великолепен речной лосось»* (Т. 1. Р. 11). Там же идет добыча китов, опасная, подчас смертельная. Голова кита дает большое количество жира, язык продается как изысканное кушанье, мяса кита настолько много, что им могла бы питаться вся Франция, его солят, и солонину, как и жир, развозят повсюду на продажу (Т. 1. Р. 13). Нормандия обеспечивает себя хлебом, однако не производит вина, поэтому «мелкий люд» пьет напиток из яблок и груш. Недостающие продукты питания, а скорее изысканные, доставляются морем. Пряности ввозятся из Александрии через Марсель, посредством особых торговцев, но в незначительных объемах. Из Португалии и Испании идут поставки сахара, конфитюра, различных фруктов (апельсины, лимоны, сушеный виноград, оливки, миндаль), а также растительных масел на очень большие суммы. Торговля фруктами, по мнению наблюдателя, гораздо более важна и выгодна, чем кажется. Города являются огромными потребляющими центрами, особенно Париж, который имеет запасы продовольствия не более чем на неделю, и в случае замерзания Сены, по которой доставляется основная часть припасов, в городе ощущается голод (Т. 1. Р. 267). Такого рода ситуация возникает и в случае неурожайных лет, приводящих к опасным кризисам в 1529 - 1530 гг., 1538 - 1539 гг., 1562 - 1563 гг., 1573 - 1574 гг., 1585 - 1588 гг., 1593 г., как установлено современными исследователями⁹.

Таким образом, продовольственная безопасность страны, и городов в частности, представляла важную проблему, особенно с учетом демографической ситуации. Продовольствие могло стать не только источником обогащения, но и

⁹ *Garrisson J. Guerre civile et compromis. 1559 - 1598. Paris, 1991. P. 9.*

стратегическим оружием. Французский историк, протестантский дворянин, участник гугенотских войн на Западе Франции в 1574 - 1576 гг. Анри Лансело дю Вуазен де Ла Попелиньер (1541 - 1608 гг.) в своем труде «Истинная и полная история этих последних смут, происшедших как во Франции, так и во Фландрии и соседних странах» пишет откровенно, что король был заинтересован в захвате соляных болот Сентонжа, *«чтобы воспользоваться большими богатствами, которые там имеются для оплаты жалованья жандармерии, а также и из-за чудесного дохода от соли, которая там добывается, и из какового дохода протестанты оплачивают почти все то, что они получили из Англии»*¹⁰.

Венецианцев интересует возможное качество жизни и состояние экологической среды: обеспечение питьевой водой населения и водопотребляющих производств, наличие болот и болотных испарений, ветров, колебаний температурного режима в течение годового цикла, окружение городов лесами либо возделанными равнинами, наличие коммуникационных связей по суше и воде. Так, о порте Бруаже вблизи Сента замечено: *«Очень красивый порт, сама природа укрыла его от всех ветров»* (Т. 1. Р. 23). Вместе с тем *«вся область, называемая ланды Бордо, не возделана и не засеяна, там, где имеется тень и вода, видны также деревни, повсюду, впрочем, большая бедность, дороги плохие из-за песка, который очень глубок, грязи и болот»* (Т. 1. Р. 17). Города в долине Луары находятся преимущественно в прекрасной местности, где люди чувствуют себя комфортно. Расположение Амбуаза, *«доброе города на Луаре»*, превосходно, его окрестности самые красивые во Франции. Блуа – *«красивый город, расположенный в приятной местности, на правом берегу Луары, – украшен красивыми домами, очень многолюдный»*. Однако уже в четырех лье от Орлеана, *«местность вблизи которого изобилует виноградниками и вином, становится менее приятной и менее лесистой, но она производит много пшеницы»* (Т. 1. Р. 27, 29, 31). Что касается лесов, то шестая часть страны покрыта лесами. Строительная древесина и лес на топливо изобилуют во всех регионах Франции, преобладают дуб и бук, так как *«почва не дает более ни сосны, ни лиственницы, как во времена Цезаря»*. Однако лес (очевидно, на топливо), стоит в два раза дороже, чем в Венеции, ибо все леса принадлежат королю, который предоставляет право на вырубку и продажу по своему усмотрению (Т. 1. Р. 255). Наличие топлива и теплый, с точки зрения венецианцев, климат не создавали проблемы обогрева жилищ, во всяком случае об этой стороне жизнеобеспечения в донесениях умалчивается.

Сообщения венецианцев несколько корректируют расхожее представление о планировке и внешнем облике городов, средневековых по своему проис-

---

¹⁰ *La Popelinere H. Le vraye et entiere histoire des troubles et choses memorables, avenues tant en France qu'en Flandres, et pays circonvoisins, depuis l'an 1562. Comprins en quatorze livres... avec les considerations sur les guerres civiles des Francois. La Rochelle, par Pierre Davantes, 1573. P. 323.*

хождению. Неоднократно отмечается привлекательность внешнего облика улиц ряда городов, правда, подчеркивается, что парижские дома «*более удобные* (для жизни. – О.Т.), *чем приятные на вид*» (Т. 1. Р. 31). Такая же характеристика дана жилому фонду Бордо: «*На самой широкой и наиболее длинной из его улиц имеется довольно (много) добротных и красивых домов, повсюду, впрочем, у них (домов) не слишком привлекательный вид и больше удобств, чем элегантности*» (Т. 1. Р. 19). В Орлеане не только «*красивые дома*», но и «*улицы широкие и прямые*» (Т. 1. Р. 29). Красивы парижские улицы, обрамленные лавками, восхитительно богатыми товарами. Привлекательна планировка Лиона, стоящего на слиянии Роны и Соны, являющегося основой итальянской торговли и значительной части торговли испанской и фламандской, а также обменных операций с деньгами, эта часть торговли самая прибыльная (Т. 1. Р. 35). Города Лион и Руан, подобно Парижу, наполнены лавками с различными товарами, поступающими с ярмарок, проводимых четырежды в год (Т. 1. Р. 35, 45). Любопытно отметить, что некоторые города в силу, очевидно, своего торгово-экономического и политического потенциала не нуждаются в оборонительных сооружениях, крепостных стенах – символе средневекового города. В описании Лиона с его процветающей торгово-банковской деятельностью отсутствуют укрепления. Столичный Париж, в черте которого проживает огромное население (в 1546 г. – 500 тыс. жителей или более), «*не является укрепленным и не будет им никогда. Его фортификационные сооружения не завершены, работы проводятся только в случае необходимости*»¹¹. Однако для большинства городов стены и укрепления сохраняют свою значимость. Заботы и расходы по возведению, содержанию и ремонту городских стен, башен, маяков в портах возлагались на самих горожан. Как справедливо заметил видный исследователь Робер Мандру, поскольку безопасность городов достигалась дорогой ценой, этим объяснялся местный патриотизм, иногда имеющий агрессивный характер в некоторых городах во время религиозных войн¹². Для обозначения укрепленных городов, возможно имеющих стратегическое значение, используются следующие наименования: **ville fortifiée, place forte, bourg, chateaux, citadelle**. Иногда внутри стен расположен замок с гарнизоном и артиллерией¹³.

¹¹ Численность населения Парижа по отдельным годам указывается различная: в 1528 г. «*называют 700 тыс., но по меньшей мере от 300 до 400*», в 1546 г. – 500 тыс. и более, в 1561 г. – от 400 до 500 тыс. (Т. 1. С. 261, 263, 31, 483, 43, 367).

¹² Mandrou R. Introduction a la France moderne. Essai de psychologie historique 1500-1640. Paris, 1961. P. 132-133.

¹³ «*30 мая 1528 г. мы прибыли в Байонну, город укрепленный, оснащенный хорошей и многочисленной артиллерией, его стены хорошо возведены, а его расположение во впадине, столь мало заболоченной, делает его еще более сильным*» (Т. 1. Р. 11, 17). В Байонне производят превосходные арбалеты (Там же. Р. 16). Видный гуманист и историк Этьен Паке (1529 -1615 гг.), анализируя ситуацию, сложившуюся в

Одним из самых укрепленных городов Франции, где припасов на 2 года, по мнению не только венецианцев, но и папского легата кардинала Санта-Кроче, в начале гугенотских войн был Орлеан¹⁴. Вполне традиционна характеристика города Шательро – *«красив и защищен добрыми стенами»* (Т. 1. Р. 27). В отчете с анализом оборонного потенциала страны после посольства 1561 г. упоминаются помимо городов военные замки и укрепления на границах. *«Они имеются в Пикардии, Шампани и Бургундии, провинциях, которые соприкасаются с Германией и Фландрией, и где возможно в наибольшей степени опасаться вторжений (врага. – О.Т.). Оно (королевство) обладает также оборонительными сооружениями (Places fortes) в морских провинциях Нормандии и Бретани, расположенных напротив Англии; затем Гаскони и Лангедоке – со стороны Испании, наконец, в Провансе и Дофине со стороны Италии. Они не равнозначны, однако, таким очень хорошим крепостям, как крепости, которые есть в Италии: почти все укрепления находятся на суше и недоукомплектованы (очевидно, оружием), но в очень хорошем состоянии и очень полезные не только для обороны, но даже и для наступательных операций, так как туда легко можно было бы доставить необходимую поддержку (помощь)»* (Т. 1. Р. 391).

Таким образом, облик французского города сохраняет черты, присущие средневековью: стены, укрепления, замки. Вместе с тем продолжается размежевание собственно военно-стратегических объектов, особенно вблизи сухопутных и морских границ в виде *chateaux, places fortes* и традиционных городских укреплений, которые будут использованы в ходе гугенотских войн¹⁵.

Дополнительную защиту давали городам бурги. Так, Ла Попелиньер характеризует бург Маран, через который в ноябре 1569 г. шло снабжение продо-

---

июне 1565 г. во время визита королевской фамилии в Байонну, где должна была состояться предполагаемая встреча с королем и королевой Испании, отметил стратегическую значимость Байонны и взрывоопасность религиозно-политического противостояния в стране. *«...Байонна была самым последним из городов Франции, который был возвращен из рук англичан под власть Карла VIII (по окончании Столетней войны. – О.Т.), а теперь первым - в котором возобновятся гражданские войны, которые могут принести горе государству Карла IX»* (Pasquier E. Les lettres d'Estienne Pasquier. Paris, 1619. P. 258).

¹⁴ Lettres du cardinal di Santa Croce, eccrites pendant sa nonciature en France, au cardinal Borromeo, neveu du pape Pie IV. Etitrees des manuscrits originaux de la Bibliotheque du Vatican. Contenant l'histoire secrete de la naissance et des progres de la religion reformee en France, du colloque de Poissy et du Concile de Trente. A La Haye, 1717. P. 109-116, 154.

¹⁵ Кардинал Санта-Кроче сообщает в письме от 5 августа 1562 г. о том, что *«город Пуатье окончательно взят маршалом Сент-Андре приступом, где мы потеряли много наших солдат и произвели большую резню тех, кто защищал эту крепость»* (Lettres du cardinal di Santa Croce, eccrites pendant sa nonciature en France, au cardinal Borromeo, neveu du pape Pie IV. P. 180).

вольствием и «*другими товарами*» протестантской Ларошели. «*Маран - бург на расстоянии 4-х лье от Ларошели по направлению к Пуату... Это место не укрыто, не защищено ни стенами, ни укреплениями, ни турами, ни другими сооружениями, возведенными человеческими руками, за исключением только довольно укрепленного замка для защиты, каковой находится на выходе из бурга на подступах Ларошели...*»¹⁶. Подтверждением того, что военно-оборонительная функция бургов сочеталась с торговлей служит сообщение кардинала ди Санта-Кроче за январь 1562 г. о том, что в Гаскони «*гугеноты в бурге Мон де Мартиан взяли силой оружия и разграбили более тысячи домов, бурге, где шла большая торговля и который был очень богатым*»¹⁷.

В ходе иконоборческих акций эпохи Реформации и религиозных войн пострадали либо были разрушены церкви, кафедральные соборы, с крыш которых варварски снималось свинцовое покрытие, т.е. те здания, которые издревле украшали средневековый город и служили доказательством незыблемости позиций католической церкви. Среди перечня зданий парламентов, Дворцов правосудия, дворцов феодальной знати (например, в Шательро имеется красивый дворец герцога Бурбонского) нет упоминаний о зданиях, принадлежащих университетам в Пуатье, Париже, Тулузе, Орлеане. Судя по количеству студентов, исчисляемому тысячами, эти здания должны быть вместительными.

Признаком нового в облике городов стала тенденция к открытости внешнему миру: предпочтение не крепостным стенам и укреплениям, а ярмаркам, лавкам, торговым контактам с другими регионами и странами; вхождение в окружающую природу и ландшафт; усвоение нового в организации внутреннего пространства и образа жизни городского населения в подражание своему королю и королевскому двору, который нередко посещает эти города. Так, признаком Мулена эпохи Ренессанса является строительство герцогского дворца вместо крепости.

Непременной деталью возрожденческого облика города являлись античные руины, упоминания о которых свидетельствуют об эрудиции венецианских дипломатов¹⁸ и одновременно связывают французский город XVI в. с историей великого Рима, который покорил земли галлов, цивилизовал их и удерживал в сфере своего влияния. Так, в Бордо много остатков древних архитектурных со-

¹⁶ *La Popeliniere H. Le vraie et entiere histoire des troubles et choses memorables, avenues tant en France qu'en Flandres, et pays circonvoisins, depuis l'an 1562. Comprins en quatorze livres... avec les considerations sur les guerres civiles des Francois. La Rochelle, par Pierre Davantes, 1573. P. 318.*

¹⁷ *Lettres du cardinal di Santa Croce, eccrites pendant sa nonciature en France, au cardinal Borromeo, neveu du pape Pie IV. P. 33.*

¹⁸ Гуманистически образованные венецианцы отдают дань историческому прошлому Франции-Галлии, именуя ее Кельтией, упоминая Юлия Цезаря, и название рек его эпохи (река Araris).

оружий, стен; в Сенте при въезде в город видна часть древней стены, в полулье от Сента находятся остатки античного акведука, который достигает города; следы древнего акведука встречают путешественника у Пуатье, где можно видеть **«амфитеатр, частично разрушенный, возможно, он гораздо больше по размерам, чем амфитеатр в Бордо»**¹⁹. По данным археологических раскопок в Пуатье галло-римского периода каменные дома преобладали над деревянными, многие из обнаруженных фундаментов декорированы мозаиками и мрамором. Античное название города *civitas Pictonum* или *Pictavorum* впервые зафиксировано в 237 г. Именно с этого времени происходит топографическая эволюция города из города, открытого пространству, в город, окруженный поясом стен, когда городская площадь сжимается и включает многочисленные христианские религиозно-культовые сооружения. Так продолжается вплоть до X в. Богатый и красивый галло-римский город был разграблен и сожжен во время варварских вторжений и военно-политической нестабильности III - IV вв. Следы пожара встречаются на античных предметах, монетах, осколках стекла, разбитых вазах, железных и бронзовых изделиях. Город укрылся за укреплениями, достигавшими 6 метров в глубину и около 2 600 м по периметру, площадь сите составила 42 - 43 гектара, что превышало площадь Бордо (32 га), Орлеана (25 га). Периметр Парижа около 1 600 м, Санса – 2 500 м, Бордо – 2 350 м, Нима – 2 300 м, Ренна – 1 200 м, Орлеана, Байонна около 1 100 м, Мелюна, Мо, Сента около 950 м²⁰. Античный амфитеатр превратился в часть средневековой стены, акведуки не функционировали. Очевидно, руины этих античных сооружений были зафиксированы венецианцами в начале XVI в. В эпоху Ренессанса и гуманизма античные памятники привлекают пристальное внимание интеллектуалов, и можно предположить, что их упоминание в донесениях не случайно, ибо представляло интерес для читателей.

---

¹⁹ Археологические раскопки и находки позволяют реконструировать топографию галло-римского Пуатье или точнее *Limonium*, так как кельтское название с приходом римлян не изменилось. На его территории находились арены, форум, здание храма или, возможно, курии, торговые галереи, наиболее значительные термы с бассейнами из белого мрамора с мозаиками, покрывающими даже стены. Эта галло-римская провинциальная столица имела довольно большое население, судя по размерам ее амфитеатра - 156 на 130 метров. Размеры амфитеатра исключительны, если их сравнить с размерами арен Нима (134 на 104 м), Арля, он мог вместить около 30 тысяч зрителей. Городами аналогичного типа были Алезия, Бибракта, Герговия. Потребности города в воде обеспечивали три акведука. Общая протяженность акведуков достигала 57 км. (*Favreau R. La ville de Poitiers a la fin du Moyen Age. Une capitale regionale. Poitiers, 1978. P. 21-25*).

²⁰ *Poete M. L'enfance de Paris. Formation et croissance de la ville des origines jusqu'au temps de Philippe-Auguste. Paris, 1908. P. 61.*

Наряду с античными памятниками французских городов, получающими новую интерпретацию историчности, утонченности и родства с античностью, удостаивались упоминания те средневековые объекты, которые могли быть хранителями античных рукописей и других древностей. Так, в одном лье от Лиона, где много остатков старины, вверх по реке Соне находится на острове *«большой и красивый бенедиктинский монастырь Нотр-Дам-де л'Иль. Монастырь имеет хорошую библиотеку со старинными священными рукописями. Все (они) представляют собой превосходное чтение. Но их хранят так, как обычно монахи хранят такие документы (т.е. с небрежением. – О.Т.)»*²¹.

Свидетельством глубокого интереса к античному культурному наследию являются библиотечные собрания, имеющиеся в королевских резиденциях, и в частных собраниях горожан. Книга становится желанным объектом обладания для гуманистически образованных католиков и протестантов. Венецианский посол отмечает, что в Блуа хранится библиотека миланских герцогов, экспроприированная королем Людовиком XII во время итальянских войн после захвата Павии²². Инвентари книжного собрания сенешала Ренна Бертрана д'Аржантре, составленные в 1578 – 1582 гг., включали примерно 2 630 наименований, в том числе труды античных авторов по различным отраслям знаний как в переводах, так и на языке оригинала (латинском либо греческом), представлены были сочинения гуманистов Боккаччо, Данте, Петрарки, Пико де ла Мирандолы, Марсилио Фичино, а также Эразма Роттердамского. Католик д'Аржантре имел целую коллекцию изданий (в том числе протестантских) Библии на латинском, греческом, древнееврейском, французском, итальянском языках. Среди книг многочисленны оттиски знаменитых печатников Альдов и Этьеннов. Библиотека гуманиста включала 467 трудов по римскому праву, обычное право, прежде всего кутюмы Бретани, средневековые глоссы, а также королевские ордонансы²³.

Эта богатая библиотека не была исключением. Книжные собрания интеллектуальной элиты и скромные издания для повседневного чтения горожан, католиков и протестантов, Ветхого и Нового заветов, псалмы и часовники, юридическая литература и другая книжная продукция создавали социокультурное пространство города эпохи Ренессанса и Реформации, религиозных

²¹ Relations des ambassadeurs venitiens sur les affaires de France au XVI s... Т. 1. Р. 37.

²² Инвентари книжного собрания миланских герцогов, хранившегося до 1499 г. в замке города Павии, включали корпус трудов античных авторов (Варрон, Катон, Витрувий, Сенека, Лукиан, Плиний, Тит Ливий, Саллюстий, Цицерон и другие), а также итальянских гуманистов (Петрарка, Данте, Боккаччо), книги по церковному и гражданскому праву, исторические и теологические сочинения (см.: Киселева Л.И. Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV - XV вв. / Отв. ред. А.Д. Люблинская и А.Н. Немилев. Л., 1985. С. 286-287).

²³ Histoire de Rennes // Sous la dir. de J. Meyer. Toulouse, 1984. P. 165.

войн. Таким образом, библиотеки из разнообразно оформленных книг, рукописных, инкунабульных, отпечатанных во Франции и за рубежом, на древних и новых языках органично входили в интерьер городского дома и загородных поместий. Городские дома окружаются садами²⁴, либо, что еще предпочтительнее, строятся загородные дома. Окрестности Пуатье богаты и красивы, украшены красивыми домами сеньоров и дворян. Аналогичные наблюдения после посещения Шательро: «...покидая Шательро и продолжая путь вблизи или по течению реки Вьенны, мы следуем по дороге, украшенной домами дворян» (Т. 1. Р. 27). В конце 70-х гг. XVI в. «в каждом городе встречается всякого рода торговля, но дворянство придерживается обычно закрытого образа жизни в своих замках и загородных домах» (Т. 2. Р. 489). Моделью для загородных домов служат королевские дворцы, об интенсивном строительстве которых также упоминают венецианцы. Очень красивый дворец в Блуа, выстроенный Людовиком XII и Франциском I. В окрестностях Блуа большой лес, в нем много загородных домов, построенных разными королями. В 1546 г. Франциск I желал получить 100 тыс. экю на строительство своих апартаментов, хотя он построил 8 замечательных дворцов и возводит теперь новые, причем надзирающими за строительством назначаются сеньоры, получающие за это плату. Они были заинтересованы в постоянстве данных выплат, «*вот почему начавшееся строительство никогда не заканчивается*» (Т. 1. Р. 283, 101). Расходы на строительство закладываются отдельной строкой в королевском бюджете, так же как траты на проведение праздников, банкетов, на подарки, на путешествия, шелка, столовое серебро и т.п. Элита по собственному усмотрению следовала либо этой модели королевского образа жизни, либо итальянской моде. В городе Мулене герцоги Бурбонские построили замечательный дворец вместо крепости с красивыми садами, лесами, фонтанами и всякого рода роскошью, достойной жилища принца (Т. 1. Р. 33). Сады эпохи Возрождения выполняли различные функции, в том числе духовно-интеллектуальную. Примером в этом отношении служил дворцовый сад в Амбуазе, созданный итальянским садовником Пачелло да Маркольяно, прибывшим вместе с другими 22 итальянскими художниками, ремесленниками, мастерами и произведениями искусства по возвращении короля Карла VIII из Италии. Побывавшие здесь в 1528 г. венецианцы отмечают: город Амбуаз «*имеет большой и красивый дворец и красивый сад, созданный королем Карлом VIII. Садам восхищаешься, пребывая в нем*» (Т. 1. Р. 27). Строительство дворцов как в городской черте, так и ввне преобразует облик города, отдаляя его от средневекового прошлого.

---

²⁴ В 1550 г. флорентийский купец Шарль Лоран, обосновавшийся в Лионе, приобрел «высокий дом, средний и низкий с двумя садами и двором между ними по улице Tramassac или у Монетного двора. Другой флорентиец - негоциант, торгующий шелковыми тканями, банкир Джованно-Франческо Бини - в 1538 г. в Лионе построил «прекрасный дом» (Correspondance politique de Guillaume Pellicier, ambassadeur de France a Venise. 1540-1542. Paris, 1899. P. 61, 94).

Основополагающим критерием жизненного успеха и силы становится богатство и роскошь, их публичная демонстрация, в том числе городским сообществом, в частности во время визитов короля. Визит короля в город превращался в культовое действие, которое выстраивается по сценарию ренессансных праздников (участники в костюмах античных богов и героев, декламация стихов на древних языках либо в подражание античным авторам. Украшение триумфальных арок латинскими девизами, изображение короля в виде божества, пение и танцы в музыкальном сопровождении, участие короля в танцевальных спектаклях и т.п.)²⁵. Именно роскошь вызывает отрицание у протестантских идеологов, в запретительных предписаниях которых дается обширный перечень предметов и проявлений роскоши и праздного образа жизни²⁶.

Богатство разнолико в истолковании наблюдателей-венецианцев: природные богатства Франции и город в контексте этих богатств; богатства от активной торговой деятельности горожан и государства в целом; богатства как наследие прошлого в виде многолюдных городов; богатство в виде многочисленных мастеровых людей, ремесленников, торговцев, продуктов питания; богатство, воплощенное в великолепии дворцов, роскоши и праздниках; богатство, создаваемое не только французами, но и многочисленными иностранцами, особенно из городов Италии (Венеции, Генуи, Лукки). Наряду с традиционно называемыми в литературе профессионалами – мастеровыми людьми и обладателями денежного капитала – носителями другого языка, обычаев, образа жизни, вероисповедания – были наемники. Причем отмечается любопытная деталь (1561 г.): *«...хотя королевство Франция – самое многолюдное в Европе, но оно, однако, дает очень мало солдат-пехотинцев»* (Т. 1. Р. 397). Поэтому король вынужден прибегать к помощи швейцарцев, немцев, англичан, и в бюджете короны за разные годы идут отдельной строкой выплаты наемникам, пенсии (Т. 1. Р. 397, 195, 99, 179). Близкие контакты с различными народами оказались пагубны для французов, по мнению венецианского наблюдателя: *«...сближение французов с другими народами, особенно немцами и швейцарцами, которых Франциск I ввел в 1536 г. в королевство, чтобы защитить его от вторжения Карла V. Свобода, которая этим людям была предоставлена в их образе жизни, веровании и возможности говорить, что им вздумается, «инфицировала» это королевство (идеями протестантизма. – О.Т.) их убеждения и пример охватили почти весь Прованс и соседние области; не только солдаты и военные, но и народ и целые*

²⁵ Красовская В.М. Западноевропейский балетный театр. Очерки истории. Л., 1979. С. 60-61; *Barbot A. Histoire de La Rochelle depuis l'an 1199 jusques en 1575 (plus exactement 1574). Publiee par D. d'Aussy. 1886-1890. Т. II. Р. 214-222.*

²⁶ См. запретительные предписания Жана Кальвина для жителей города Женевы, данные в приложении к книге: *Buet Ch. L'amiral de Coligny et les guerres de religion au XVI siecle. Paris, 1883. Р. 383-385.*

города в них злословили» (Т. 1. Р. 521). Корпус иностранцев пополняют держатели церковных бенефициев, студенты и преподаватели вновь организуемых учебных заведений (и католических, и протестантских). Однако практически не отмечается неприязненное отношение к иному этносу, более того подчеркивается, что во Франции *«не наблюдается того, что есть в других странах, особенно в Неаполитанском королевстве, где нация недовольна и несчастлива оттого, что должности и чины – все в руках иноземцев»* (Т. 1. Р. 509).

Таким образом, уникальность источниковой базы для изучения облика французского города и его социокультурного пространства заключается в том, что информационно насыщенные письма, донесения, отчеты территориально охватывают всю страну, а во времени – период Ренессанса, Реформации, итальянских войн и сложнейших по своим социальным, политическим, религиозным мотивам религиозных войн. Их авторы (Андре Наважеро (1528 г.), Марино Джустиниано (1535 г.), Франсуа Джустиниано (1537 г.), Марино Кавалли (1546 г.), Жан Капелло (1554 г.), Жан Мишель (1561 г.), Мишель Суриано (1561 г.), Иероним Липпомано (1577 - 1579 гг.), а также папский нунций во Франции кардинал Просперо ди Санта Кроче, отправлявший в Рим очень подробные сведения о развитии религиозно-политического противостояния как в Париже, так и в провинциальных городах, – все они носители новой возрожденческой идеологии и культуры. Представляя интересы двух крупнейших средиземноморских центров – Венеции и папского престола, они собрали редкостные по полноте (и, к счастью, сохранившиеся до нашего времени в отличие от собственно французских источников XVI в.) данные, которые позволяют воссоздать портретную характеристику французских городов. Хорошо зная положение дел в странах Европы, обладая знаниями в области итальянской гуманистической культуры, они смогли заметить и оценить ростки того качественно нового, что появилось в облике городов, не утративших своего величия даже в ходе разрушительных войн католиков и гугенотов, часто бывших искренними патриотами своей провинции, своего города. Они сумели оценить те черты в менталитете французского народа (жизнелюбие, приветливость, отсутствие ненависти к иностранцам, любовь к отечеству, олицетворяемому королем, усвоение знаний и быстрое их применение в ремесленной и торговой практике), которые способствовали в дальнейшем оздоровлению духовной атмосферы общества и выходу его из затяжного религиозно-политического кризиса второй половины XVI столетия.

ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ ШВЕЙЦАРСКОЙ РЕФОРМАЦИИ: «67 ТЕЗИСОВ» УЛЬРИХА ЦВИНГЛИ

В событиях Германской революции 1517 – 1526 гг. важную роль сыграл радикально-бюргерский лагерь, занимавший промежуточное положение между умеренно-бюргерским и крестьянско-плебейским лагерями¹. Наиболее выдающимся представителем и идеологом радикально-бюргерского направления в Реформации был знаменитый швейцарский реформатор Ульрих Цвингли. Успехи учения объясняются разработанностью его теории и возможностью применить ее на практике. Есть основания полагать, что именно радикально-бюргерская, цвинглианская Реформация в условиях раннебуржуазной революции и Крестьянской войны в Германии, с которой связана не только деятельность самого Цвингли, но и А. Карлштадта, И. Эберлина, В. Гиплера, Ф. Вейгандта, в наибольшей мере отражала насущные потребности общественного развития.

У. Цвингли и его деятельности посвящена богатая историческая литература. Еще последователи Лютера А. Ритчль и А. Харнак отрицали роль и значение Цвингли в реформационном движении, а некоторые из приверженцев лютеранства (Ж. Лилье), отвергая религиозное учение Цвингли, считали его деятелем, ставившим перед реформацией лишь политические цели². С другой стороны, последователь Цвингли Буллингер нарисовал образ истинного патриота и реформатора, создавшего независимо от Лютера свое учение. Историки XIX – начала XX вв. в обобщающих трудах также рассматривали деятельность Цвингли. Либерально-позитивистский историк Ф. Бецольд отмечает факт влияния на Цвингли идей гуманизма, особенно в лице Эразма Роттердамского³.

---

¹ Автор статьи исходит из концепции М. Штайнмеца о втором центре Германской раннебуржуазной революции 1517 – 1526 гг., расположенном в Южной Германии и Северной Швейцарии (см.: *Steinmetz M. Die frühbürgerlichen Revolution in Deutschland (1476 -1535) Thesen // Die frühbürgerlichen Revolution in Deutschland. Berlin, 1961. S. 8, 14*). Штейнмец также относит Цвингли к радикально-бюргерскому лагерю, проводя четкую границу между его теорией и умеренно-бюргерской доктриной М. Лютера. Есть и другая точка зрения, рассматривающая реформацию Цвингли как разновидность умеренно-бюргерской реформации (см.: *Deutsche Geschichte in 12 Bd. Bd. 3. Köln, 1983*); *Иванов В.В. Социально-этические представления М. Буцера в ранний период // Проблемы германской истории (эпоха феодализма). Ижевск, 1989. С. 70*.

² *Шубладзе Л.И. Выдающийся швейцарский патриот Ульрих Цвингли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970. С. 2*.

³ *Бецольд Ф. История Реформации в Германии. СПб., 1908. Т. 1. С. 95*.

Гейссер, представитель национально-политического направления в немецкой историографии, обращает внимание не только на религиозные, но и на общественно-политические перемены, планируемые швейцарским реформатором⁴. Наиболее крупный представитель традиционного направления в немецкой историографии XX в. Г. Франц видит в деятельности представителей цвинглианского направления в верхненемецких землях борьбу за «божественное право». «Общинное устройство церкви» Цвингли являлось примером для верхненемецких реформаторов. Однако, как пишет Франц, крестьяне ожидали большего, чем предлагал Цвингли по крестьянскому вопросу⁵. Приверженец концепции «революции простого человека» П. Бликле рассматривает цвинглианскую реформацию в связи с городской реформацией и уделяет большое внимание религиозной стороне теории Цвингли⁶.

В современной немецкой историографии она представлена трудами В. Келера, Кройтцера, Г. Лохера, В. Геблера, Ф. Бюссера и других историков⁷, в английской – Г. Поттера, С. Озмента, Б. Гордона, В. Стефенса и других исследователей⁸. Несмотря на то что исследованием деятельности швейцарского реформатора занимались в основном теологи, зарубежными историками освещена биография и религиозно-политическая деятельность Цвингли, хотя конфессиональная ограниченность характерна для исследователей цвинглианства. В дореволюционной отечественной историографии жизнь и деятельность Цвингли изучали Б.Д. Порозовская, В.Д. Лихачева, Р.Ю. Виппер⁹. Работа Порозовской содержит много описательного, биографического материала, однако автор не связывает деятельность Цвингли с радикально-бюргерской оппозицией и несколько идеализирует его. Различные аспекты цвинглианства исследованы современными отечественными медиевистами А.Н. Чистозвоновым, Ю.К. Некрасовым,

⁴ *Geüsser J.* История Реформации. М., 1882. С. 133-134.

⁵ *Franz G.* Der deutsche Bauernkrieg. Darmstadt, 1975. S. 104, 121, 152, 299.

⁶ *Blickle P.* Die Revolution von 1525. München; Wien, 1981. S. 157, 237–244.

⁷ *Köhler W.* Huldreich Zwingli. Leipzig, 1954; Kreutzer. Zwinglis Lehre von der Obrigkeit. Amsterdam, 1965; *Gäbler V.H.* Zwingli. Eine Einführung in sein Leben und seine Werk. München, 1983; *Locher G.* Die zwinglische Reformation in Rahmen der europäischen Kirchengeschichte. Göttingen, Zürich, 1979; *Büsser F.H.* Zwingli Reformation als prophetische Auftrag. Göttingen; Zürich; Frankfurt, 1973.

⁸ *Potter G.* Zwingli. Cambridge, 1976; *Ozment S.* The Reformation in the Cities. New Haven, 1975; *Gordon B.* Switzerland // The early Revolution in Europe / Ed. by A. Pettergree. Cambridge, 1952. P. 70–93; *Stephens W.* The theology of Huldreich Zwingli. Oxford, 1986.

⁹ *Порозовская Б.Д.* Ульрих Цвингли и его реформаторская деятельность. СПб., 1882; *Лихачева В.Д.* Великие реформаторы Гус, Лютер, Цвингли, Кальвин. СПб., 1872; *Виппер Р.Ю.* Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. М., 1894.

М.М. Смириным, Л.И. Шубладзе¹⁰ и особенно В.В. Ивановым. В диссертации и статьях Иванова прослеживается влияние реформационного учения Цвингли на деятельность реформаторов М. Буцера и Г. Гергота и на программы военных отрядов юго-западной Германии. Им же проанализированы религиозно-политические взгляды Цвингли на основе ряда работ реформатора из Цюриха¹¹. В данной статье ставится задача специально рассмотреть содержание «67 тезисов» и соотнести их с практической деятельностью Цвингли по их воплощению в жизнь.

Деятельность У. Цвингли в 1519 – 1531 гг. протекала в Цюрихе, являвшемся одним из крупных городских центров Швейцарской конфедерации. В 1522 г. разногласия между сторонниками Реформации и констанцким епископом обострились, и магистрат Цюриха порывает с ним связи. В этих условиях по инициативе цюрихского Совета в январе 1523 г. был проведен диспут, на котором Цвингли выступил с «67 тезисами». В этом же году увидело свет его фундаментальное сочинение «Истолкование и обоснование 67 тезисов» на немецком языке¹². Позже данное сочинение швейцарского реформатора неоднократно издавалось на немецком языке, а в 1997 г. появился его перевод на русский язык¹³. В «67 тезисах» Цвингли изложена его религиозно-политическая концепция, своего рода кредо цвинглианской реформации.

---

¹⁰ Чистозвонов А.Н. Цвинглианство и кальвинизм. Католическая реакция в Европе // Всемирная история. М., 1958. Т. 15. С. 188–206; *Он же*. Цвингли // СИЭ. 1963. Т. 15. С. 709–710; *Он же*. Реформация в Швейцарии. Феодалная реакция и контрреформация в Европе // История средних веков / Под ред. З.В. Удальцовой и С.Р. Карпова. М., 1991. Т. 2. С. 100–114; Некрасов Ю.К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в. // ЕГИ. 1977. М., 1978. С. 189–201; *Он же*. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI – XVI вв.). Вологда, 1985. С. 83–100; *Он же*. Реформа или революция? Реформация и крестьянская война в германских землях XVI в. Вологда, 1998. С. 148–157; Смирин М.М. Народная Реформация Томаса Мюнцера. М., 1957. С. 322–335, 339–341; *Он же*. К истории раннего капитализма в германских землях (XV – XVI вв.). М., 1969. С. 390–391.

¹¹ Иванов В.В. Памфлеты и программы Юго-Западной Германии в 1523–1526 гг. и реформация У. Цвингли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976; *Он же*. Ульрих Цвингли и военные программы южнонемецкого крестьянства в 1525 г. // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего средневековья. Иваново, 1986. С. 125–143; *Он же*. Религиозно-политические представления У. Цвингли. Рукопись деп. ИНИОН. Устинов, 1985.

¹² Zwingli H. Auslegung und Begründung der Thesen oder Artikel (1523). Один из его экземпляров находится в отделе редкой книги в Библиотеке иностранной литературы в Москве.

¹³ Цвингли У. Истолкование и обоснование 67 тезисов или положений / Пер. Б. Шарвадзе и др. Тбилиси, 1997. Ч. 1, 2.

В центре религиозной концепции Цвингли находится фигура Иисуса Христа, «который есть путеводитель и предводитель всему человеческому роду, Богом обещанный и данный»¹⁴. Он выступал за чистоту Священного Писания и не признавал Священного Предания. По словам Цвингли, **«Божий Дух не говорит сегодня одно, а завтра другое, и его речи и положения должны оставаться неизменными»**¹⁵. Прямо направлен против римского папы 17-й тезис швейцарского реформатора, который гласит: **«Христос – единственный и вечный первосвященник, поэтому все те, которые выдают себя за первосвященника, сопротивляются чести и власти Христа и отвергают их»**. Он также с осуждением относится к католическому духовенству и замечает, что **«духовные... – причина всей безнравственности, ввиду того, что они с Христом не согласны»**¹⁶. В 61-м тезисе Цвингли отмечает, что Священное Писание ничего не знает о характере, который в последнее время обнаружили священники, а в 66-м предупреждает духовенство: **«Все духовные власти должны немедленно смириться и воздвигнуть лишь крест Христов, а не денежный ящик, в противном случае они погибнут. Секира уже лежит у дерева»**¹⁷. В 26-м и 27-м тезисах требуется отмена сект, орденов, религиозных обществ, монашеских ряс, клобуков, знаков¹⁸. В своих тезисах Цвингли выступил против целибата и отвергал посты¹⁹, он же не признавал индульгенции и выражал сомнение в учении католической церкви о чистилище²⁰. Швейцарский реформатор отрицал все христианские таинства, кроме крещения и причащения, но в них видел, в отличие от М. Лютера, лишь символы и воспоминания верующего об Иисусе Христе: **«Христос себя однажды в жертву принес, которая служит вечной искупительной жертвой для грехов всех верующих, следовательно, месса – не жертва, а воспоминание о жертве и гарантия избавления»**²¹. В рационалистическом понимании сущности таинств крещения и причащения отразилось влияние на Цвингли идей гуманизма. А христоцентрический павликанизм в его учении проявился прежде всего в том, что Цвингли опирался на идею апостола Павла об искуплении

¹⁴ Zwingli H. Die erste Züricher Disputation 67 Thesen // Buch der Reformation: eine auswältigte zeitgenössische Zeugnisse (1476–1555). Hrsg. Plöse D., Vogler G. Berlin, 1989. S. 308.

¹⁵ Köhler W. Huldrich Zwingli. Leipzig, 1954. S. 101.

¹⁶ Zwingli H. Op. cit. S. 308.

¹⁷ Цвингли У. Указ. соч. Ч. 2. С. 119; Zwingli H. Op. cit. S. 310.

¹⁸ Там же. С. 6, 9.

¹⁹ Там же. С. 3, 14, 16, 19.

²⁰ Там же. С. 104.

²¹ Zwingli H. Op. cit. S. 308.

Христом своей жертвой грехов верующих и даруемом спасении человека через веру.

Политическая платформа Цвингли тесно связана с его религиозными представлениями. Он возглавил движение прогрессивного бюргерства и зажиточного крестьянства против патрицианско-дворянских кругов. «Эти слои, с одной стороны, приобщались к новым, капиталистическим формам хозяйства, а с другой – многими нитями были связаны с феодализмом и средневековьем»²². Данное обстоятельство не могло не сказаться на политических взглядах швейцарского реформатора, поэтому их отличала определенная компромиссность. Разработав учение о светской власти, *«которая имеет силу и подтверждение в учении Христа»*, он не признавал духовной власти, *«которая не имеет никакого основания в учении Христа»*²³. 37-й и 38-й тезисы развивают мысль Цвингли о светской власти: *«Ей повинуются, ей послушны все христиане, не исключая никого»*, *«если она не требует ничего, что противно Богу»*²⁴. В 39-м тезисе Цвингли желает *«все установления светской власти привести в соответствие с божеской волей и так, чтобы они «нуждающегося защищали, даже если он не жалуется»*²⁵. Здесь же швейцарский реформатор подвергает князей критике за образ правления, порождающий бунты и возмущения. Далее он формулирует этические принципы правления князя и в сильных выражениях критикует тиранов, которых развелось так много, как цветов в августе²⁶. *«В итоге то государство наилучшее и наиболее прочное, – пишет он, – которое по божески правит, и то самое злое и непрочное, которое правит по произволу»*²⁷. При этом в 40-м тезисе он наделяет властей большими полномочиями по отношению к провинившимся подданным²⁸. Вообще, по Цвингли, светская власть становилась орудием проведения реформации в качестве непосредственного исполнителя²⁹.

Особое место в политической концепции Цвингли занимает 42-й тезис, где допускается устранение неугодной Богу светской власти: *«Если она поступает вероломно и кому-то, кроме Христа, следовать будет, то ее*

²² Чистозвонов А.Н. Цвинглианство и кальвинизм. Католическая реакция в Европе // Всемирная история. М., 1958. Т. 4. С. 196.

²³ Zwingli H. Op. cit. S. 309–310.

²⁴ Ibid. S. 310.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Некрасов Ю. К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хроники XVI в. // Ежегодник германской истории (ЕГИ). 1977. М., 1978. С. 191.

²⁷ Zwingli H. Op. cit. S. 310.

²⁸ Цвингли У. Указ. соч. Ч. 2. С. 6, 9.

²⁹ Иванов В.В. Социально-политические представления М. Буцера в ранний период // Проблемы германской истории (эпоха феодализма). Ижевск, 1989. С. 66.

*следует с божьей помощью сместить»*³⁰. Далее Цвингли рассматривает три возможных варианта смещения светской власти в зависимости от того, как правитель получил власть. Если он избран всей общиной, то она его и смещает, если собранием князей, то лишают власти они, а если правитель наследственный, то дается туманная рекомендация отвергнуть его единодушным решением *«всей совокупности народа»*³¹. Таким образом, Цвингли допускает не только мирный путь устранения неугодных Богу властей, что и реализовали на практике в ходе Крестьянской войны его радикальные последователи.

В соответствии с программой «67 тезисов» была проведена цвинглианская Реформация в Цюрихе. К числу важнейших религиозных мероприятий, осуществленных в Цюрихе в первой половине 20-х гг. XVI столетия, относились отмена постов и безбрачия духовенства (причем сам Цвингли, вступив в брак с Анной Рейнгардт, бросил вызов католическому духовенству и папе), удаление из церкви икон, статуй и погребение мощей святых, отмена католических обрядов и пышных церемоний, закрытие монастырей и конфискация монастырского имущества, которое было передано в руки светских властей и использовано на нужды благотворительности и образования. Простым мирянам было разрешено причащение под обоими видами, а богослужение стало проводиться не на латинском, а на немецком языке.

Являясь не только религиозным реформатором, но и политическим деятелем, У. Цвингли становится инициатором ряда политических реформ в Цюрихе. Он развил дальше республиканские и демократические традиции Швейцарии. Власть в городе от олигархического малого совета перешла в руки магистрата, где доминировали цехи и бюргерство, вытеснившие патрициат и дворянство (примечательно, что идеологи и вожди реформации в городах старались сделать магистрат орудием преобразований, но в то же время при необходимости апеллировали к общине³²). Было запрещено военное наемничество и отменены пенсии иностранных государей швейцарским гражданам. В отличие от Кальвина в Женеве Цвингли в Цюрихе являлся влиятельным и уважаемым членом городского Совета, наставником, но не диктатором. Однако вряд ли можно говорить о полной религиозной терпимости Цвингли, ведь цвинглианство являлось обязательным для жителей кантона. К тому же Цвингли преследовал анабаптистов. Принцип республиканизма реформатор распространил на церковь, по-новому организовав ее

³⁰ Zwingli H. Op. cit. S. 310.

³¹ Иванов В.В., Майер В.Е. Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992. С. 51.

³² Иванов В.В. Городское самоуправление и реформация // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. Материалы конференции. Ижевск, 1999. С. 123.

на началах выборности священников. В 1528 году был учрежден Синод – периодическое собрание духовенства с участием представителей общин. «Синоды представляют, – считает Порозовская, – самое замечательное из церковных учреждений реформатора, в котором полнее всего отразился его республиканский принцип самоуправления»³³.

Цюрихский реформатор был сторонником нравственного очищения. По его инициативе цюрихский совет издает указы в этом направлении. За нарушение супружеской верности и разврат налагалось церковное отлучение. Были введены законы против пьянства, азартных игр, нищенства и бродяжничества. Число праздников было ограничено 42 днями, что позитивно отразилось на хозяйственной жизни города. Монахам после закрытия монастырей предлагалось заняться производительным трудом. Цвингли выступал здесь в роли поборника трудолюбия и рачительности. Он выдвинул целый комплекс религиозно-политических преобразований и, тесно увязав религию и политику, «создал тип политического христианства и христианского политика», – отметил Келер³⁴.

Завершая рассмотрение программы «67 тезисов» и ее воплощения в жизнь в Цюрихе, представляется важным проследить важнейшие отличия цвинглианской Реформации от лютеранской. Ими были:

- большая, чем у Лютера, степень радикальности взглядов Цвингли, который на основании Священного писания делал выводы о необходимости важных социально-политических, а не только религиозных реформ;
- более реалистичное понимание Цвингли таинств крещения и причащения;
- для Лютера истинно все то, что подтверждено Священным писанием, а для Цвингли – все то, что ему не противоречит;
- обращение Цвингли к человеку как к члену религиозной общины, которая занимала центральное место в его теории. *«Все те, кто под его главой живут, есть части тела и дети Бога. [Они и составляют] общину святых или церковь Христову»*, – гласит восьмой тезис Цвингли³⁵. Это положение перекликается с идеями апостола Павла, выдвигавшего на первый план идею единства всех христиан.

Отечественные и зарубежные историки уже обращали внимание на связь цвинглианской реформации с раннехристианскими традициями³⁶. Чистота положений первоначального христианства привлекла У. Цвингли и других реформаторов, которые, с одной стороны, обнаружили в учении ран-

³³ Порозовская Б.Д. Указ. соч. С. 54.

³⁴ Köhler W. Huldreich Zwingli. Leipzig, 1954. S. 269.

³⁵ Zwingli H. Op. cit. S. 308.

³⁶ Порозовская Б.Д. Указ. соч. С. 21; Potter G. Zwingli. Cambridge, 1976. P. 60.

них христиан немало полезных советов для переустройства католической церкви, с другой – учитывая менталитет людей того времени, эпоха раннего христианства олицетворяла для них «старое доброе время». Примером для реформаторов явилась жизнь и деятельность апостолов, на послания которых они нередко ссылаются. Существенное влияние на Цвингли как реформатора оказали послания апостола Павла. Цвингли сближает с ранними христианами глубокая вера в искупительную жертву Христа, идея выборности священника, а апостольская бедность первых общин повлияла на идею секуляризации церковных имуществ. Отмену крепостного права Цвингли обосновывает братской любовью всех верующих – детей Христа (среди ранних христиан было принято именовать себя братьями и сестрами). По инициативе Цвингли из церквей были удалены статуи святых и иконы (и у ранних христиан отсутствовала изобразительная символика до II в. н.э.). Таким образом, Цвингли стремился освободить учение Христа и его апостолов от позднейших наслоений и искажений.

Что касается значения цвинглианства, то здесь следует выделить два аспекта. Во-первых, оно стимулировало ход Реформации и Крестьянской войны на Юго-Западе германских земель, и ряд программ общественного движения («12 статей», «К собранию простого крестьянства», «Гейльбронская программа») испытывали влияние идей Цвингли. Во-вторых, важнейшие преобразования в Цюрихе стали образцом для других кантонов Швейцарии: Берна, Базеля, Санкт-Галлена, Гларуса, Шафхаузены, Женевы. Реформы в Цюрихе были проведены решительно и последовательно, в полном соответствии с «67 тезисами», при этом Цвингли и его приверженцы разъясняли свои планы и убеждали население в необходимости реформ. Цвингли явился основателем реформационного учения нового типа – цвинглианства, которое, к сожалению, не реализовало всех своих потенциальных возможностей (повлияло и сопротивление католических кантонов, соперничество Цюриха и Берна, гибель Цвингли в 1531 г. и другие факторы). Однако его учение стало составной частью раннебуржуазной революции в Германии со вторым центром на юго-западе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буров Александр Сергеевич - начальник аналитического управления Государственной Думы Ярославской области, кандидат исторических наук, доцент

Дементьева Вера Викторовна - доцент кафедры всеобщей истории ЯрГУ, доктор исторических наук

Кадиева Елизавета Кадиевна - доцент кафедры всеобщей истории ЯрГУ, кандидат исторических наук

Кофанов Леонид Львович - старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Центра изучения римского права ИВИ РАН, кандидат исторических наук

Лощакова Ольга Владимировна - старший преподаватель кафедры всеобщей истории ЯрГУ

Меланченко Игорь Валентинович - ассистент кафедры всеобщей истории ЯрГУ

Микешин Андрей Анатольевич - старший преподаватель кафедры всеобщей истории Вологодского педагогического университета, кандидат исторических наук

Трофимова Ольга Владимировна - доцент кафедры всеобщей истории ЯрГУ, кандидат исторических наук

Чеканова Нина Васильевна - доцент кафедры всеобщей истории ЯрГУ, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета

Содержание

I. Античность	3
<i>И.В. Меланченко</i> ОППОЗИЦИЯ «ЭЛЛИНЫ – ВАРВАРЫ» в IV в. до н.э.	3
<i>А.С. Буров</i> ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АНТИГОНИДОВ В ГРЕЦИИ (70 - 20-е гг. III в. до н.э.)	8
<i>Л.Л. Кофанов</i> ХАРАКТЕР ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РИМЕ VIII - VI вв. до н.э.	14
<i>В.В. Дементьева</i> ЗАКОН О ВВЕДЕНИИ МАГИСТРАТУРЫ ДИКТАТОРА В РИМСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ	25
<i>Н.В. Чеканова</i> ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ: ЛИТЕРАТУРНАЯ АБЕРРАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ.....	36
II. Средневековье	45
<i>О.В. Лощакова</i> СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ БОЛГАРСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	45
<i>Е. К. Кадиева</i> ЭЛЕМЕНТЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОРНАМЕНТАЦИИ КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ КОНЦА X – НАЧАЛА XIV в.	53
<i>О.В. Трофимова</i> ОБЛИК ФРАНЦУЗСКОГО ГОРОДА XVI в.....	61
<i>А.А. Микешин</i> ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ ШВЕЙЦАРСКОЙ РЕФОРМАЦИИ: «67 ТЕЗИСОВ» УЛЬРИХА ЦВИНГЛИ.....	74

АНТИКОВЕДЕНИЕ И МЕДИЕВИСТИКА

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Лицензия ЛР № 020319 от 30.12.96.

Подписано в печать 10.07.2001. Формат 60х84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,35. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Отпечатано на ризографе
Ярославского государственного университета.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.